

Настоящий научный журнал представляет материалы, освещдающие актуальные вопросы современности, связанные с миграцией и ее отражением в лингвистических исследованиях в аспекте миграционной лингвистики, миграционной медиалингвистики, миграционного дискурса, рекламного мигрантского дискурса, мигрантского образовательного дискурса, дискурсов миграции. Материалы предназначены для широкого круга специалистов в области филологии. Статьи рецензируются. Перепечатка без разрешения редакции запрещена, ссылки на журнал при цитировании обязательны.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шустова Светлана Викторовна — главный редактор, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Костева Виктория Михайловна — заместитель главного редактора, доктор филологических наук, доцент (Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет)

Андросова Светлана Викторовна — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)

Богоявленская Юлия Валерьевна — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский Федеральный университет имени первого президента Б. Н. Ельцина)

Боднарук Елена Владимировна — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Архангельск, Северный (Арктический) Федеральный университет имени М. В. Ломоносова)

Зеленина Тамара Ивановна — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Желтухина Марина Ростиславовна — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Волгоград, Волгоградский государственный педагогический университет)

Нагзабекова Мехриниссо Бозоровна — доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Нижнева Наталья Николаевна — доктор педагогических наук, профессор (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Радченко Олег Анатольевич — доктор филологических наук, профессор, Заслуженный работник высшего образования РФ (Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет)

Собянина Валентина Александровна — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский городской педагогический университет)

Оглезнева Елена Александровна — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Томск, Национальный исследовательский Томский политехнический университет)

Пермякова Татьяна Михайловна — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики)

Трофимова Нэлла Аркадьевна — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики)

Файзиева Галина Владимировна — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет)

Ходжиматова Гулчехра Масаидовна — доктор педагогических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Хорошева Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Исаева Екатерина Владимировна — ответственный за английскую версию, кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Платонова Елена Анатольевна — ответственный за сайт и английскую версию, кандидат филологических наук (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Черноусова Анастасия Степановна — технический редактор, кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

© Редакционная коллегия, 2020

The journal contains materials covering the pressing issues of current time – migration and its reflection in linguistic research: migration linguistics, migration media linguistics, migration discourse, advertising migrant/antimigrant discourse, migrant educational discourse, the discourses of migration. The materials are intended for a wide range of specialists in the field of philology. The articles are reviewed. Reprinting without permission of the editorial board is prohibited, links to the journal are mandatory when quoting.

EDITORIAL BOARD

Svetlana V. Shustova — Editor-in-chief, Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Victoriya M. Kosteva — Grand Ph.D. (Philology) (Russia, Moscow, Moscow State Linguistics University)

Svetlana V. Androsova — Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Blagovetschensk, Amur State University)

Julia V. Bogoyavlenskaya — Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University)

Elena V. Bodnaruk — Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Arkhangelsk, North (Arctic) Federal University)

Marina R. Zheltukhina — Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Volgograd, Volgograd State Pedagogical University)

Galina V. Faizieva — Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Astrakhan, Astrakhan State University)

Mekhriniso B. Nagzibekova — Grand Ph.D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Natalya N. Nizhneva — Grand Ph.D., Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarus State University)

Gulchehra M. Hodzhimatova — Grand Ph.D. (Education), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Nella A. Trofimova — Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, St.-Petersburg, St.-Petersburg State University, National Research University Higher School of Economics)

Tamara I. Zelenina — Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Izhevsk, Udmurt State University)

Oleg A. Radtschenko — Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Linguistics University)

Elena A. Oglesneva — Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Tomsk, Tomsk Politechnic University)

Tatyana M. Permyakova — Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Higher School of Economics)

Valentina A. Sobyanina — Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow City State University)

Ekaterina V. Isajeva — Ph.D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Natalja V. Khorosheva — Ph.D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Elena A. Platonova — Ph.D. (Philology) (Russia, Perm, Perm State University)

Anastasiya S. Chernousova — Ph.D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

© Редакционная коллегия, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

МИГРАЦИОННЫЙ МЕДИАДИСКУРС.....	4
<i>Архипова И. В.</i>	
ДЕРИВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ДЕВЕРБАТИВОВ В МИГРАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ	4
<i>Шустова С. В.</i>	
ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В НЕМЕЦКОМ МИГРАЦИОННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ.....	13
<i>Сюткина Н. П., Черноусова А. С.</i>	
МИГРАЦИОННЫЙ МЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ.....	35
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.....	44
<i>Прокурин Б. М.</i>	
ИММИГРАЦИЯ И/ИЛИ РЕКОЛОНИЗАЦИЯ?	
ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ КЭРОЛ ЭНН ДАФФИ.....	44
ПАРЕМИОЛОГИЯ	44
<i>Меньшакова Н. Н.</i>	
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА НАРОДОВ ИСПАНИИ В ИСПАНСКИХ ПАРЕМИЯХ	55
ЛИНГВОТОЛЕРАНТНОСТЬ VS ЛИНГВОКОНФЛИКТОГЕННОСТЬ	70
<i>Путина О. Н.</i>	
ЛИНГВОКОНФЛИКТОГЕННОСТЬ КАК ПАРАМЕТР НАЦИОНАЛЬНОГО СТИЛЯ	
ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ).....	70
МИГРАЦИОННЫЙ РЕКЛАМНЫЙ ДИСКУРС	79
<i>Черноусова А. С., Сюткина Н. П.</i>	
ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ	79
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ.....	92
<i>Салынская Т. В., Ясницкая А. А.</i>	
СПЕЦИФИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ	
В РАМКАХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ.....	92
ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЬИ.....	104
УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ.....	108

МИГРАЦИОННЫЙ МЕДИАДИСКУРС

УДК 811.112.2'36

Архипова Ирина Викторовна

Кандидат филологических наук,
профессор кафедры французского и немецкого языков,
Новосибирский государственный педагогический университет
630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28
Тел.: +7 (383)2441368, e-mail: irarch@yandex.ru

ДЕРИВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ДЕВЕРБАТИВОВ В МИГРАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

Миграция в современном обществе является одним из ключевых концептов современного миграционного дискурса, который, в свою очередь, выступает объектом изучения миграционной лингвистики как наиболее актуального и динамично развивающегося меж- и трансдисциплинарного направления в нашей стране и за рубежом. Настоящая статья посвящена описанию словообразовательной семантики и основных деривационных моделей немецких девербативных существительных в миграционном дискурсе. Немецкие девербативы, функционирующие в современном миграционном дискурсе, рассматриваются нами в качестве рекуррентного средства языковой репрезентации базовых понятий тематической сферы «Миграция и миграционные процессы». С учетом лексической и словообразовательной семантики девербативов, номинирующих основные миграционные процессы и события в современном обществе, а также их участников, нами выделены и описаны такие базовые деривационные модели немецких девербативных существительных в миграционном дискурсе, как: субстантивация; аффиксация посредством суффиксов -ing, -t, -er, -ler, -ing; а также безаффиксное словообразование и словосложение.

Ключевые слова: девербативы, миграционный дискурс, языковая репрезентация, тематическая сфера «Миграция и миграционные процессы», деривационная семантика, деривационные модели.

Введение

Наш исследовательский интерес представляют немецкие девербативы различных словообразовательных моделей в контексте их функционирования в современном миграционном дискурсе.

Миграция в современном обществе является одним из ключевых концептов современного миграционного дискурса, который, в свою очередь, выступает объектом изучения миграционной лингвистики как наиболее актуального и динамично развивающегося меж- и трансдисциплинарного направления в нашей стране и за рубежом [Шустова, 2018; Шустова, Исаева, 2019; Зубарева, 2018, 2019, 2019а, 2019б; Зубарева, Шустова, 2019; Хохлова, Собянина, 2018; Желтухина, 2019; Костева, 2019; Erfurt, Budach, Hofmann, 2003; Krefeld, 2004; Gugenberger, 2018].

Миграционный дискурс как базовая категория миграционной лингвистики рассматривается современными отечественными исследователями как социально обусловленная речевая деятельность, объединяющая как лингвистические, так и экстралингвистические аспекты, а также как некий «идеологический конструкт», с помощью которого формируется определенная позиция современного общества по отношению к миграционным процессам и явлениям [Зубарева, 2018, 2019, 2019а, 2019б; Зубарева, Шустова, 2019; Шустова, 2018; Шустова, Исаева, 2019; Костева, 2019; Желтухина, 2019; Христианова, 2017].

Основная часть

В фокусе нашего внимания находятся немецкие девербативные существительные, функционирующие в современном миграционном дискурсе и выступающие в качестве рекуррентного средства языковой презентации основных понятий тематической сферы «Миграция и миграционные процессы».

Лингвистический феномен девербативов привлекает внимание ряда современных исследователей. Среди них следует назвать таких отечественных языковедов, как: Е. С. Кубрякова, П. А. Адамец, Н. Г. Долженко, З. А. Мирошникова, Е. М. Повышева, И. В. Архипова и др. [Адамец, 1973; Архипова, 2012, 2020; Долженко, 2005; Кубрякова, 1981, 1987; Мирошникова, 2003; Повышева, 2006].

Девербативы рассматриваются в современной научной литературе как: «производные имена», «отглагольные транспозиты», «синтаксические дериваты», «гибридные формы», «девербативные обороты», «субстантивные обороты», «отглагольные имена», «отглагольные существительные», «глагольные дериваты» и др.

Поликатегориальная синкет-семантика немецких девербативов обусловлена наличием межкатегориальных связей в их грамматике. Межкатегориальные связи в грамматике девербативного существительного реализуются в пределах одной словоформы как синкетизм категориальных значений и на синтаксическом уровне как более широкий спектр категорий и отношений [Повышева, 2006]. Они отражают «распределение» субстанциональных и глагольных характеристик в пределах конкретных девербативов определенной словообразовательной модели.

Девербативы обладают двухслойной синкет-семантикой. Они сохраняют глагольные семантические характеристики и находятся в области синкетизма имени существительного и глагола. Девербативам как именам существительным присущи грамматические категории рода, числа и падежа и, соответственно, они характеризуются принадлежностью к конкретной словообразовательной (деривационной) модели.

Среди девербативных существительных различной деривационной семантики выделяют:

- (1) «имена действия как таковые» (*nomina actionis*);
- (2) имена результата или результативного состояния (*nomina acti*);
- (3) имена с предметным значением деятеля;
- (4) имена с предметным значением инструмента действия.

Среди основных лексических единиц современного немецкого языка, репрезентирующих ключевые понятия понятийной сферы «Миграция и миграционные процессы» («мигрант», «беженец», «переселенец», «миграция», «наплыв мигрантов / чрезмерный наплыв мигрантов», «поток беженцев / прибывание потока беженцев», «интеграция мигрантов», «атака мигрантов», «нападение мигрантов», «отражение атаки нелегальных переселенцев» и др.) следует назвать производные и сложные девербативные имена существительные различной лексической и деривационной семантики, в частности: *das Flüchten, das Anschwellen (der Migrantenströme), die Flucht, der Flüchtling, der Armutsfürchtling, der Wirtschaftsfürchtling, der Wohlstandsflüchtling, der Zuwanderer, der Einwanderer, der Aussiedler, der Umsiedler, der Übersiedler, der Spätaussiedler, der Späteinwanderer, der Frühaussiedler, die Einwanderung, die Zuwanderung, die Armutszuwanderung, die Eingliederung (von Migranten), der Ansturm (der Migranten), der Zuzug (von Flüchtlingen), der Anschlag (von Migranten), der Übergriff (der/von Migranten), die Abwehr / Migrantenabwehr, der Zustrom (von Migranten), der Strom / Migrantenstrom* и др. Данные немецкие девербативы вербализуют различные аспекты явления миграции, в частности, репрезентируют современные миграционные

процессы, протекающие в германском обществе, а также номинируют основных участников миграции. Например:

Luftangriffe im Norden Syriens treiben Zehntausende Menschen *in die Flucht*. (Spiegel).

Jeder *Flüchtlings* ist also gleichzeitig auch ein Migrant (LC).

So glaubte zum Beispiel eine Mehrheit der Italiener, befragt im Juli vorigen Jahres, dass *die Einwanderer* inzwischen 30 Prozent der Bevölkerung ausmachten (Spiegel).

Die Integrationskurse *für Zuwanderer* sind eine gute Sache, das bestreitet niemand (LC).

In Gmünd gibt es viele gute Ansätze, um junge *Aussiedler* und Ausländer zu integrieren (LC).

Zugleich vermischt sich das Problem der *Armutszuwanderung* aber mit den Menschen, die vor Krieg, Verfolgung fliehen, um ihr Leben fürchten (LC).

Seit der Verlautbarung von Bundeskanzlerin Angela Merkel, dass syrische *Flüchtlinge* in Deutschland in der Regel Asyl erhalten werden, ist *in den riesigen Migrantenstrom* neue Bewegung geraten (LC).

Merkel paktiert *zur Migrantenabwehr* mit Putschisten aus Ägypten, mit Despoten in Eritrea und Sudan (LC).

Ohne den Migrantenzug wäre die Zahl der Hartz-IV-Empfänger zuletzt gesunken. (LC).

Die anderen seien offenbar *Wirtschaftsflüchtlinge*, die schnell in andere europäische Länder kommen wollten. (Dwds).

Wer Einspruch dagegen erhebt, dass 95 Prozent aller *Flüchtlinge* hier als *Wohlstandsfürflüchtlinge* und Schmarotzer bezeichnet werden (Dwds).

Среди немецких девербативов, функционирующих в современном миграционном дискурсе, мы выделяем:

- (1) акциональные (процессуальные, событийные) отглагольные имена с семантикой действия, процесса или события;
- (2) агентивные отглагольные имена с семантикой деятеля;
- (3) конкретно-предметные отглагольные имена существительные с семантикой результата действия;
- (4) предметные отглагольные имена существительные с семантикой инструмента действия.

Среди проанализированных немецких девербативов, номинирующих явление современной миграции в Германии, следует назвать акциональные (процессуальные, событийные), агентивные и конкретно-предметные имена следующих основных словообразовательных (деривационных) моделей:

- (1) аффиксальные девербативы на *-en* или субстантивированные инфинитивы;
- (2) аффиксальные девербативы на *-ung*;
- (3) аффиксальные девербативы на *-t*;
- (4) аффиксальные девербативы на *-er*;
- (5) аффиксальные девербативы на *-ler*;
- (6) аффиксальные девербативы на *-ing*;
- (7) безаффиксные девербативы;
- (8) композиты.

Ср. следующие примеры:

Er fordert unter anderem mehr Geld sowie Hilfe bei der Einrichtung einer Zone in Nordsyrien, um dort Millionen *syrische Flüchtlinge* anzusiedeln (Spiegel).

Er erneuerte die Kritik, dass *Zuwanderer* unkontrolliert in Massen kämen (LC).

«Aber es sind fast ausschließlich *Aussiedler* aus Südosteuropa und zunehmend auch Flüchtlinge, die sich so benehmen» (LC).

Deutschland hat *durch den Migrantenstrom* diesen massiv importiert (LC).

Das Angebot niedrig qualifizierter Arbeitskräfte erhöht sich schließlich um mehrere Hunderttausend Menschen jährlich durch die verstärkte *Armutszuwanderung* (LC).

Ich denke hier an die Akzeptanz *der «Migrantenabwehr»* per Türkeiabkommen, Mitfinanzierungsangebote für die Flüchtlings-KZ in Libyen, die Toten auf dem Mittelmeer usw. (LC).

Also mit diesem Vers lässt sich wohl kaum *ein unbegrenzter Migrantenzug* «begründen» (LC).

Die meisten seien nicht «auf der Flucht vor Vertreibung und Krieg, sondern *Wohlstandsfüchtlinge*» (Dwds).

Среди агентивных девербативов с семантикой «деятель / участник миграционных процессов» следует назвать девербативы, образованные аффиксальным способом с помощью суффиксов *-ling*, *-er*, *-ler* (*der Flüchting*, *der Zuwanderer*, *der Einwanderer*, *der Aussiedler*, *der Umsiedler*, *der Übersiedler*, *der Zuzügler*). Например:

Für Einwanderer werde Deutschlands Attraktivität bald nachlassen (LC).

Die schwarz-blaue Regierung erhöhte in der Vorwoche die Quote *für Zuwanderer* (LC).

Vor zehn Jahren setzte dann eine Steigerung ein auf Grund *der vielen Zuzügler* ... (LC).

Девербативы, являющиеся суффиксальными дериватами таких производящих глаголов акциональной семантики, как *einwandern*, *zuwandern*, *flüchten*, *aussiedeln*, *umsiedeln*, *übersiedeln*, *zuziehen* и др., являются средством лингвистической презентации

вышеназванных агентивных «имен деятеля-участника миграционных процессов» (*der Flüchtling, der Zuwanderer, der Einwanderer, der Aussiedler, der Umsiedler, der Übersiedler, der Zuzügler*), а также номинируют определенные «миграционные события / процессы / действия» (например: *die Einwanderung, die Zuwanderung, die Flucht*). Например:

Im Gegenzug übernimmt die EU andere syrische *Flüchtlinge* aus der Türkei und unterstützt das Land finanziell bei der Versorgung der Flüchtlinge (Spiegel).

Früher gab es Kritik *wegen der Einwanderung aus den Balkanstaaten* (LC).

Im Gesamtbild allerdings ist *die Zuwanderung* sehr moderat und wird chronisch überschätzt (LC).

Мит dem wenigen Geld, das er *als politischer Flüchtling* erhält, müssen er und seine Familie zurecht kommen (LC).

Кроме того, для обозначения «конкретных миграционных событий» служат некоторые безаффиксные девербативы типа: *der Zuzug, der Anschlag, die Abwehr, der Zustrom, der Strom, der Übergriff* и др., номинирующие явление миграции в современном миграционном дискурсе Германии (ср.: *der Ansturm (von/der Migranten), der Zuzug (von Flüchtlingen), der Anschlag (von/der Migranten), der Übergriff (von/der Migranten), die Abwehr (von/der Migranten), der Zustrom (der/von Migranten), der Strom (von/der Migranten/Asylanten/ Flüchtlingen)*). Например:

Dessen ungeachtet bleibt das zentrale Thema der Politik der «*Zustrom*» von Asylanten und Wirtschaftsflüchtlingen, die Angst vor Überfremdung, Kriminalität und Terror (Spiegel).

Особый интерес для изучения представляют детерминативные немецкие девербативы-композиты, имеющие бинарную структуру и характеризующиеся такими определительными компонентами как: *Migrant, Flüchtling* (например, *der Migrantenstrom, der Migrantenzuzug, die Migrantenabwehr, der Flüchtingsstrom, die Flüchtingsflut* и др.), а также детерминативные композиты, образованные на основе таких базовых компонентов, как: *der Flüchtling, die Zuwanderung, die Flut* (например, *der Wohlstandsflüchtling, der Armutsflüchtling, der Wirtschaftsflüchtling, die Armutszuwanderung, die Wirtschaftszuwanderung, die Flüchtingsflut, die Asylantenflut* и др.). Ср. следующие примеры:

Demzufolge wird zwar *der Migrantenstrom* anschwellen und die Industriestaaten werden sich in Zukunft einen lebhaften Wettbewerb um qualifizierte Mitarbeiter liefern (LC).

Der Volkswirt Sarrazin, der unter anderem im Vorstand der Deutschen Bundesbank und als Berliner Finanzsenator tätig war, rechnet mit enormen finanziellen Belastungen *durch den Migrantenzuzug* (LC).

Schlecht steht es aber um die «*erste Stufe der Migrantenabwehr*» (LC).

Кроме того, в обследованный нами языковой материал вошли немецкие девербативы-сращения типа: *der Spätaussiedler*, *der Späteinwanderer*, *der Frühaussiedler* и др., номинирующие участников миграционных процессов, датируемых различными временными периодами. Например:

Im vergangenen Jahr ist die *Zahl der Spätaussiedler* erneut deutlich zurückgegangen (LC).

Sie kamen als Arbeiter, Flüchtlinge oder *Spätaussiedler* und nannten Deutschland ihr neues Zuhause (LC).

Заключение

Итак, немецкие девербативы, функционирующие в современном миграционном дискурсе, являются рекуррентным средством языковой репрезентации ключевых понятий тематической сферы «Миграция и миграционные процессы».

С учетом лексической и словообразовательной семантики девербативов, номинирующих основные миграционные процессы и события в современном обществе, а также их участников, нами выделены и описаны такие базовые деривационные модели немецких девербативных существительных в миграционном дискурсе, как: субстантивация; аффиксация посредством суффиксов *-ung*, *-t*, *-er*, *-ler*, *-ing*; а также безаффиксное словоиздание и словосложение.

Список литературы

1. Адамец П. О. О семантико-сintаксических функциях девербативных и деадъективных существительных // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1973. № 4. С. 40–46.
2. Архипова И. В. Высказывание с предложными девербативами в современном немецком языке // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2012. Т. 9. № 5. С. 95–104.
3. Архипова И. В. Функциональный потенциал девербативов и его реализация в контексте// Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 1. С. 74–87.
4. Долженко Н. Г. Имя действия в системе событийной лексики: пересекаемость глагольной и именной лексики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2005. Вып. 2. № 11. С. 105–111.
5. Желтухина М. Р. Миграционная медиалингвистика: конфликт vs кооперация в мультикультурной коммуникации // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики. Монография / С. В. Шустова, М. Р. Желтухина, М. В. Дружинина, Е. О. Зубарева, Е. В. Исаева, В. М. Костева, А. С. Черноусова. Научн. ред. д. филол. н., проф. А. М. Аматов. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 2019. С. 5–21.

6. Зубарева Е. О. Номинативное поле концепта «Мигрант» // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4(71). С. 420–422.
7. Зубарева Е. О. Языковая репрезентация концепта МИГРАЦИЯ // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме. Коллективная монография / Зубарева Е. О., Исаева Е. В., Мощанская Е. Ю., Иценко А. В., Костева В. М., Шустова С. В. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет». 2019. С. 65–112.
8. Зубарева Е. О. Модель миграционного дискурса // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019а. Т. 5. № 1. С. 35–45.
9. Зубарева Е. О. Понятийный компонент концепта «Миграция» // Евразийский гуманитарный журнал. 2019б. № 2. С. 75–83.
10. Зубарева Е. О., Шустова С. В. Синтагматический анализ концепта МИГРАЦИЯ (на материале корпусных данных) // Миграционная лингвистика. 2019. № 1. С. 23–43.
11. Костева В. М. Дискурсы миграции в лингвистике // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики. Монография / С. В. Шустова, М. Р. Желтухина, М. В. Дружинина, Е. О. Зубарева, Е. В. Исаева, В. М. Костева, А. С. Черноусова. Научн. ред. д. филол. н., проф. А. М. Аматов. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 2019. С. 46–52.
12. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. Москва: Наука, 1981. 200 с.
13. Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении. Москва, 1987. 115 с.
14. Мирошникова З. А. Проблемы семантики и функционирования имён действия в системе языка. Автореф. ... д. филол. н. Москва, 2003. 42 с.
15. Повышева Е. М. Межкатегориальные связи в грамматике отглагольного существительного: Автореф. ... к. филол. н. Ижевск, 2006. 25 с.
16. Шустова С. В., Исаева Е. В. Миграционная лингвистика: становление и развитие // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме. Монография // Зубарева Е. О., Иценко А. В., Исаева Е. В., Костева В. М., Мощанская Е. Ю., Шустова С. В., Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 2019. С. 5–64.
17. Шустова С. В. Миграционная лингвистика и миграционный дискурс // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Т. 4. № 2. С. 114–125.
18. Хохлова И. В., Собянина В. А. Языковая репрезентация миграции в немецких СМИ. Монография. Москва: Московский государственный педагогический университет, 2018. 167 с.
19. Христианова Н. В. Лексическая объективация концепта “Flüchtling” в германских печатных СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12(78). С. 189–192.
20. Erfurt J., Budach, G. Hofmann S. Mehrsprachigkeit und Migration: Ressourcen sozialer Identifikation. Switzerland: Peter Lang, 2003. 259 S.

21. Gugenberger E. Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicieen und Galicierinnen in Argentien. Austria: Forschung und Wissenschaft – Literatur- und Sprachwissenschaft, 2018. 664 S.

22. Krefeld Th. Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania Italiana in die Romania multipla. Tubingen: Gunter Narr Verlag, 2004. 173 S.

Источники иллюстративного материала

23. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 14.06.2020).

24. Dwds – Корпус немецкого языка (электронный словарь немецкого языка). URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 14.06.2020).

25. Spiegel – Spiegel online. URL: <http://www.spiegel.de/politik> (дата обращения: 14.06.2020).

Arkhipova I. V.

Ph.D. (Philology), Professor,

Department of French and German Languages,

Novosibirsk State Pedagogical University,

Novosibirsk, Russian Federation

DERIVATION MODELS OF DEVERBATIVES IN MIGRATION DISCOURSE

Migration in modern society is one of the key concepts of modern migration discourse, which, in turn, is the object of study of migration linguistics as the most relevant and dynamically developing inter- and transdisciplinary direction in our country and abroad. patterns of German deverbative nouns in migration discourse. German deverbatives, functioning in modern migration discourse, are considered by us as a recurrent means of linguistic representation of the basic concepts of the thematic sphere "Migration and migration processes". Taking into account the lexical and derivational semantics of deverbatives, which nominate the main migration processes and events in modern society, as well as their participants, we have identified and described such basic derivational models of German deverbative nouns in migration discourse, such as: substantiation; affixation by means of suffixes -ung, -t, -er, -ler, -ing; as well as non-affix word production and word composition.

Keywords: deverbatives, migration discourse, linguistic representation, thematic area "Migration and migration processes", derivational semantics, derivational models.

УДК 81'42

Шустова Светлана Викторовна,
Доктор филологических наук,
профессор кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел.: +7(342)236283, e-mail: lanaschust@mail.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В НЕМЕЦКОМ МИГРАЦИОННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В предлагаемой статье рассматриваются вопросы, касающиеся формирования новых дискурсивных практик, которые складываются в современных условиях – условиях углубления глобализационных и антиглобализационных процессов. Автор статьи ставит перед собой задачу определения оптимального «угла наблюдения» (в терминологии О. С. Иссерса) иreprезентации тех феноменов, которые пока не поддаются строгой дифференциации в рамках теории дискурса, миграционной лингвистики. Миграционная лингвистика – формирующееся направление, которое пока не располагает собственным концептуальным аппаратом. Отсутствие единой терминосистемы, и, как следствие, дивергентное использование концептов миграционной лингвистики в различных научных направлениях усложняют создание модели миграционных процессов и выделение ключевых концептов, в частности, MIGRATION. Объектом миграционной лингвистики становится не только модель динамических языковых процессов, не только модель миграционного дискурса, но и такие аспекты как мотивация, обстоятельства, факторы протекания миграции, последствия миграционных процессов в социальных практиках. Социальные изменения могут быть поняты как изменения фоновых практик. Применительно к дискурсивным практикам речь может идти не только о появлении новых коммуникационных каналов, но и о формировании новых идеологий и «идентичностей», о смешении дискурсов и, таким образом, о расширении дискурсивного пространства. Социальные практики подвержены реконфигурации. Это происходит в том случае, если практика или аспект практики, который ранее был маргинальным, становится

центральным. Понимание дискурсивной практики – как и любой социальной практики – базируется на её осмыслении как деятельности и социального опыта, данного в непосредственном наблюдении.

Ключевые слова: миграционная лингвистика, миграционный медиадискурс, дискурсивная практика, концепт *MIGRATION*, немецкий язык, дискурс-анализ, социальная практика.

Введение

В рамках критического дискурс-анализа изучается роль дискурса в реализации и воспроизведстве этнического и расового неравенства. В фокусе внимания исследователей находятся этноцентристические и расистские репрезентации в медийном дискурсе, литературе и кино [Hartmann, Husband, 1974; Wilson, Gutiérrez, 1985; van Dijk, 1991]. В дискурсах европейских путешественников, исследователей, продавцов, военных, философов, историков так или иначе развивались образы Другого. Акцентировались экзотические отличия, надменное унижение достоинства, интеллектуальная, моральная, биологическая неполноценность Другого. Эти дискурсы повлияли на общественное мнение и привели к широкому распространению определённых социальных репрезентаций.

Дискурсивные исследования выходят за рамки традиционного контент-аналитического исследования образов Другого и направлены на анализ политического дискурса, научного дискурса, повседневные разговоры, коммуникацию в сфере общественного обслуживания, ток-шоу и многие другие жанры дискурса [van Dijk, 2013, р. 124–125].

Л. Витгенштейн указывает на то, что смысл словам придаёт определённая практика, он имеет в виду нечто больше, чем просто контекстуальная обусловленность речевой коммуникации. О. С. Иссерс считает, что более правомерно говорить о совокупности практик совместной деятельности, навыков, обычаев, образующих культурный фон, который едва ли поддаётся полной экспликации [Иссерс, 2015, с. 23].

Социальные изменения могут быть поняты как изменения фоновых практик. Применительно к дискурсивным практикам речь может идти не только о появлении новых коммуникационных каналов, но и о формировании новых идеологий и «идентичностей», о смешении дискурсов (интердискурсивность) [Там же, с. 24].

Социальные практики подвержены реконфигурации. Это происходит в том случае, если практика или какой-либо аспект практики, который ранее был маргинальным, становится центральным [Там же, с. 25].

Понимание дискурсивной практики – как и любой социальной практики – базируется на её осмыслиении как особого рода деятельности и социального опыта, данного в непосредственном наблюдении.

В методологическом аспекте дискурсивная практика рассматривается:

- 1) как конституирующая часть социальной практики, в ходе которой преобразуется жизнь общества;
- 2) как совокупность приемов продуцирования, восприятия и интерпретации текстов в определенной социальной сфере;
- 3) как «способ говорения» в определенной социальной области или в каком-либо социальном институте, который отражает жизненный опыт и знания участников коммуникации [Йоргансен, Филлипс, 2008, с. 121–122].

Каждая дискурсивная практика предполагает особые условия производства и потребления текстов, в которых используются ресурсы различных типов дискурса. Дискурс-анализ коммуникативного события включает три измерения:

- 1) текст (его лингвистические особенности);
- 2) дискурсивную практику (процессы производства и потребления текста);
- 3) социальную практику, к которой принадлежат коммуникативные события [Там же, с. 120].

Таким образом, дискурсивная практика опосредует социальную практику через тексты.

Предметная сфера МИГРАЦИЯ представляет актуальный материал для изучения лингвистических и нелингвистических аспектов, актуализирующихся на фоне возрастающих миграционных потоков, глобализационных и антиглобализационных процессов [Миграционная лингвистика, 2019; Миграционная лингвистика в современной научной парадигме, 2019; Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики, 2019; Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика, 2020]. Медиадискурс о мигрантах выделяется в отдельный тип дискурса, поскольку в его основе находятся высказывания, тексты различных жанров, актуализирующие предметную сферу МИГРАЦИЯ [см., например, Зубарева, 2018, 2018а, 2020; Собянина, Хохлова, 2018; Gugenberger, 2018; Krefeld, 2004, Stehl, 2011].

Основная часть

Существует ряд неизученных жанров миграционного дискурса, к ним относятся: собеседование с мигрантами при приёме на работу; протесты мигрантов на митингах;

опросные листы для мигрантов при трудоустройстве; социальные сети; телефонные разговоры мигрантов с мигрантами и с представителями миграционных служб и организаций; электронная переписка мигрантов; интервью с мигрантами; уведомления о прибытии; чаты; форумы; блоги [см., например, Зубарева, 2019, с. 68]; анекдоты о мигрантах и анекдоты мигрантов о принимающей стране и титульной нации.

Так, в многочисленных исследованиях юмор обычно трактуется, как интеллектуальная способность, как культурологическое явление. Анекдот при этом рассматривается, как злободневный комический рассказ-миниатюра с неожиданной концовкой. Анекдоты как тексты малого формата актуализируют порождение когнитивного диссонанса на разных уровнях: фонетическом, лексико-сintаксическом, нелингвистическом, надтекстовом [Уханова, 2019, с. 37]. Рассмотрим несколько тематических анекдотов.

Германия. Молодой мигрант на приеме у окулиста.

- *Доктор, почему-то во время секса у меня щиплет в глазах.*
- *Это от газового баллончика.*

В данном анекдоте невозможно проследить наложение конструкций ни на лексико-сintаксическом, ни на фонетическом уровнях. В восприятии человека формируется когнитивный диссонанс, связанный с незнанием о происходящих в Германии событиях 2015 г., когда во время празднования Нового года мигранты устроили массовые домогательства в отношении женщин, после чего в полицию обратились многие немки. На площади у Кёльнского собора и в ряде других мест было совершено 900 преступлений на сексуальной почве в отношении 1200 женщин. Большинство подозреваемых – выходцы из стран Северной Африки.

Рассматривая эту категорию анекдотов, необходимо принимать во внимание фоновые знания, жизненный опыт слушающего. И лишь в случае восстановления смысловой связи в ряду *мигрант – окулист – секс – газовый баллончик* позволит разрешить этот когнитивный диссонанс. В восприятии человека происходит смешение фреймов *секс* и *газовый баллончик*, что вовсе не обязательно будет сопряжено с комическим эффектом. Мигрантами это может быть интерпретировано и как предостережение, и как угроза, и как предупреждение.

Анекдот выполняет свои особые социальные функции, и от его корректной «дeшифровки» зависит успешность коммуникативного акта. Сравните.

- *Что там у Швеции с мигрантами?*
- *Стокгольмский синдром...*

Когнитивный диссонанс данного примера может быть связан со смешением фреймов *Стокгольм* и *синдром*. В этом случае речь идёт о захвате заложников в г. Стокгольм в

августе 1973 г. Тогда заложники защищали своих похитителей после освобождения и не соглашались давать показания против них в суде. Понятие «Стокгольмский синдром» имеет ряд синонимов: «синдром идентификации заложника» (Hostage Identification Syndrome), «синдром здравого смысла» (Common Sense Syndrome), «стокгольмский фактор» (Stockholm Factor), «синдром выживания заложника» (Hostage Survival Syndrom). В основе Стокгольмского синдрома лежит механизм психологической защиты, впервые описан Анной Фрейд в 1936 г. и получивший название «идентификация с агрессором».

В. З. Демьянков, рассматривая тексты с двойной адресацией считает, что читатель склонен выдвигать и подтверждать или опровергать свои гипотезы касательно всего текста по мере его освоения, основываясь на своём собственном восприятии мира и, в конечном счете, ему приходится реконструировать намерения автора и устраниить несоответствия со своими личными гипотезами [Демьянков, 2011, с. 33–40].

Dinesh D’Souza представляет положительную репрезентацию ин-группы и негативную репрезентацию аут-группы [D’Souza, 1995]. В терминологии британского психолога Г. Тэджфела [Henri Tajfel, 1974: voluntary, эл. р.], ин-группа – это группа, к которой принадлежит тот или иной человек и с которой он себя идентифицирует. Для этого человека все остальные люди, не принадлежащие к его ин-группе, будут составлять аут-группу. Такая группа характеризуется сильно выраженной внутригрупповой ориентацией.

Ведущими риторическими средствами репрезентации Другого обычно выступают гиперболы и метафоры, то есть преувеличенная демонстрация социальных проблем в терминах болезни (*патология, вирус*) и акцент на контрасте между цивилизованными людьми и некими варварами. В семантическом и лексическом планах Другие ассоциируются не просто с различиями, но, скорее, с девиацией («нелегитимностью») и угрозой (насилием, агрессией). Это аргументативные утверждения об ущербности «чёрной культуры» (расизма), риторическим их преуменьшением и эвфемизацией её преступлений (колониализм, рабство), а также семантическое смещение объекта обвинения (обвинение жертвы). Социальный конфликт оказывается когнитивно репрезентирован и усилен с помощью поляризации, дискурсивно закреплён и воспроизведён с помощью принижения, демонизации и исключения Других из некоего Нашего сообщества Цивилизованных [ван Дейк, 2008, с. 125].

В век глобализации и тотальной информатизации с миграционной лингвистикой коррелирует медиалингвистика в аспекте изучения медиатрансляции миграционных событий с целью информирования адресата и воздействия на него. Термин «миграционная медиалингвистика» был введён в научный оборот в 2019 г. профессором М. Р. Желтухиной [Желтухина, 2019, с. 5–21]. Миграционная медиалингвистика понимается исследователем,

как наука об отражении постоянного или временного процесса трансформации языка участников миграционного процесса, зависящего от пространственных, временных, мотивационных и социокультурных факторов в массмедиа (печать, радио, телевидение, Интернет) [Там же, с. 6].

В результате глобализационных процессов, различных политических и экономических действий, локальных войн, катастроф и эпидемий в мире наблюдается увеличение миграционных потоков с последующим созданием новых или обновленных многонациональных – мультикультурных и мультиязыковых – сообществ [Там же, с. 8]. В фокусе внимания исследователей находятся речевые интеракции в миграционной коммуникации; в сфере миграционного медиадискурса актуализируются коммуникативные стратегии, которые сводятся к конфликтной и кооперативной стратегиям.

В исследовательской парадигме лингвистики XXI в. наиболее абстрактное понимание дискурса связано с использованием языка как общественной практики, которая участвует в формировании «социального мира». Миграционный дискурс вписывается в современную научную парадигму, как современная социальная практика, основными участниками которой выступают агенты дискурса, социальные институты и титульная нация. Миграционный дискурс выступает как идеологический конструкт, с помощью которого формируется определённое отношение общества к миграционным процессам. Миграционный дискурс представляет собой сложный ментальный конструкт, так как каждый когнитивный признак концепта МИГРАЦИЯ может быть отдельным объектом изучения в рамках миграционной лингвистики [Зубарева, 2019, с. 104]. Концепт МИГРАЦИЯ включает широкий содержательный потенциал (семантический, прагматический).

Миграционный дискурс включается в дискурсивное пространство, которое формируется, актуализируется; при этом является предметом изучения в социологии, политологии, культурологии и других гуманитарных направлениях.

Наши знания и социальное поведение – «продукт дискурса», то есть результат различных способов категоризации действительности, которые не являются прямым отражением реальности. Способы понимания окружающей действительности и репрезентации её в языке исторически и культурно обусловлены и, следовательно, могут меняться со временем. Поэтому дискурс есть форма социального поведения, которая «участвует в формировании социального мира». В процессе социального взаимодействия люди «доказывают друг другу правильность своего понимания мира, в том числе и через «борьбу дискурсов». Следствием этой борьбы являются различные социальные действия, которые актуализируют понимание «истины» в рамках данного мировоззрения и данного

социума. Анализ дискурсов различных социальных сфер с точки зрения конструирования в них системы знаний и значений, социальных отношений и идентичностей позволяет выявить тенденции развития общества, которые в явном или неявном виде представлены в практике использования языка [Иссерс, 2015, с. 11–12].

В миграционном дискурсе особую значимость приобретают кооперативная и конфликтная стратегии.

Кооперативная стратегия отражает попытки интеграции мигрантов в новую лингвокультуру, а также принятие их представителями титульной нации. Кооперативная стратегия призвана вызывать положительную реакцию адресата, эмпатию по отношению к мигрантам, поскольку им пришлось многое преодолеть, перестрадать; продолжать преодолевать трудности, чтобы выжить [Желтухина, 2019, с. 8]. Конфликтная стратегия реализует возможность речевой агрессии, интолерантности, как со стороны мигрантов, так и со стороны представителей титульной нации.

К новым направлениям современной лингвистики относится также и изучение агрессивного дискурса, понимаемого как культурно-историческое явление, то есть как фрагмент «лингвокультурной реальности конкретного языкового сообщества, опирающегося на сложную систему традиций <...> неписанных правил», что в нашем случае оказывает влияние на стиль мышления и поведения участников миграционного дискурса. В этом смысле агрессивный дискурс следует рассматривать как интродискурс, который можно обнаружить в ряде частных дискурсов, например, политическом, гендерном, научном [Радченко, 2009, с. 61], педагогическом, и, безусловно, миграционном дискурсе.

Говоря об агрессии, исследователи различают два основных её типа: враждебную и инструментальную. Враждебная агрессия представляет собой спонтанное явление, а инструментальная является хорошо продуманным алгоритмом действия. Она регулируется определёнными нормами и осуществляется в определённых границах. Полагаем, что агрессивный интродискурс при его изучении в рамках миграционной лингвистики позволит выделить несколько дискурсивных практик проявления агрессивности, определяемых участниками миграционного дискурса. Впервые исследование с использованием такого рода инструментария было использовано для изучения лингвистики тоталитаризма в лингвофилософской парадигме XX в. [см., о тоталитарном дискурсе [Костева, 2008], что позволило выявить закономерности проявления агрессии в тоталитарном дискурсе.

Речевая агрессия как средство речевого воздействия адресанта в сфере равноправного сотрудничества, регулирующего действия адресата в определённой мере свободного в выборе своих действий и поступающего в соответствии со своими потребностями,

представляет собой форму речевого поведения, направленного на оскорбления, намеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом [Культура русской речи, 2003, с. 562].

Речевая агрессия актуализирует негативные эмоции, чувства или намерения в неприемлемой вербальной форме: оскорбление, угроза, грубое требование, грубый отказ, обвинение, насмешка [Морозова, 2010, с. 19]. Речевая агрессия в массмедиа отражает существующую в современном мультикультурном обществе проблему ксенофобии (межэтнической вражды).

Конфликтная стратегия в миграционном медиадискурсе имеет двустороннюю адресную направленность: 1) субъект, подвергающийся агрессии; 2) читатель, слушатель, зритель, Интернет-пользователь. Конфликтная стратегия проявляется в упоминании этнической и религиозной группы или её представителей в унизительном и оскорбительном контексте. На уровне повседневности антимиграционные настроения проявляются в форме бытовой ксенофобии – демонстративном нежелании иметь что-либо общее с Другими, «чужаками».

Наибольший накал вызвали расхождения по поводу мусульманского платка – хиджаба (нем.: *der Hijab, der Hidschab, der Hedschab*). Хиджаб в немецком миграционном медиадискурсе ассоциируется с платком, стилем, модой, запретом – *Hijab-Schal, Hijab-Style, Hijab-Verbot* – и даже с детскими игрушками – *die Hijab tragende Barbie*.

Hijab zu tragen ist verboten (Die Zeit, 16.08.2017).

Der Hijab ist das islamische Kopftuch, das Haare, Hals und Ohren bedeckt, mitunter auch die Schulter. Viele muslimische Frauen tragen es selbstbewusst und aus Modegründen. Andere sehen das Kopftuch als Zeichen der Unterdrückung (Der Standart, 07.10.2015).

Es muss endlich ein Verbot für Hijab in öffentlichen Gebäuden geben (LC, 2018).

Kurz danach verließ sie die Schule mit der Begründung, dort wegen ihrer Religion diskriminiert worden zu sein und im Unterricht keinen Hijab tragen zu dürfen (LC, 2018).

Wir wissen alle, dass manche Menschen skurille Gedanken haben, wenn sie einen Hijab sehen (LC, 2018).

На рисунке 1 представлен график, актуализирующий следующие семантические модули концептуального поля HIJAB:

- вид одежды: *Niquab, Kopftuch, Burka, tragen, Tragen, Abaya*;
- конфессия: *muslimisch, Muslima, islamisch*;
- гендер: *Frau, Frauen*;
- архитектурный стиль: *Riad*.

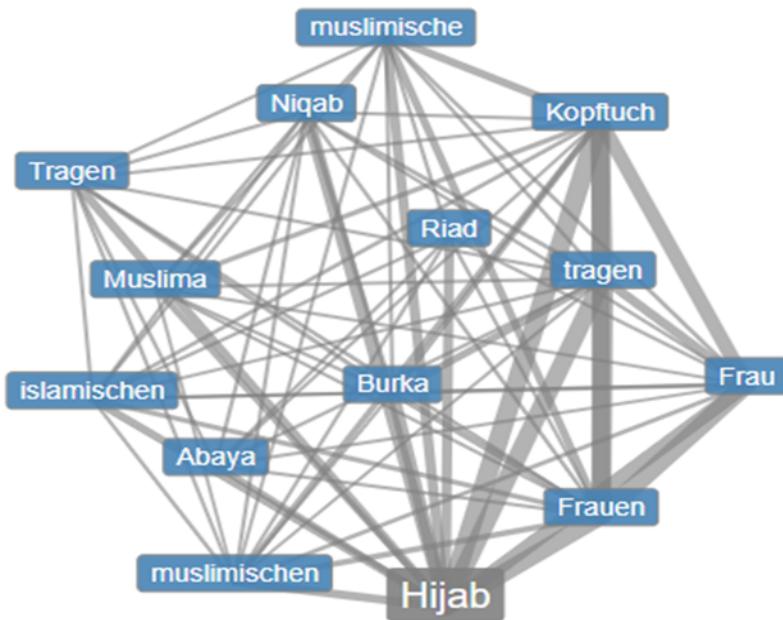

Рис. 1. Семантические модули концептуального поля HIJAB (по данным LC)

В немецком миграционном медиадискурсе отмечается высокая степень речевой агрессии, что эксплицируется в лексике: *deskriminieren, verbieten, Verbot, aggressiv*.

Als sie durch die Innenstadt spaziert sei, habe sie wegen ihres Schleiers, ihres Hijabs aggressive Blicke erhalten (LC, 2018).

Akzeptieren oder integrieren kann man Burkas und Hijabs bei uns mit Sicherheit nicht (LC, 2018).

В 2004 г. во Франции на законодательном уровне был введён запрет религиозных символов в государственных школах. Закон был принят Национальным собранием Франции, его принятию предшествовала длительная публичная дискуссия [Малахов, 2015, с. 130].

Das Kopftuch stehe in keinem Widerspruch zum französischen Laizismus, was sich schon daran zeige, dass man ein neues Gesetz zum Verbot des Hijabs erlassen musste (Blogs, dwds).

Французская аномалия обусловлена спецификой политической культуры этой страны, а именно якобинской традицией, к которой восходит недоверие (и даже враждебность) государства по отношению к религии.

На форуме русских немцев идёт оживлённая дискуссия о хиджабах. Сравните.

... не хотите работать, то совет, одень платок-хиджаб и никто тебя не возьмет на работу (20.02.2020, Germany foren).

... от недостатка знаний и воспитания носят хиджабы и коврики на работу (15.02.2020, Germany foren).

... молятся на паузе и не смущаются, а мусульманки ходят в хиджабах, в т. ч. тимляйттерша (14.02.2020, Germany foren).

Если честно, меня большие тетки в хиджабах напрягают, когда они в библиотеке или...
 (05.11.2019, Germany foren).

Пока командуют они, а не вы. Готовьтесь одевать хиджаб и соблюдать рамадан
 (16.07.2019, Germany foren).

... бок о бок с криминальными персонажами в замотанной в хиджаб Германии???
 (18.05.2019, Germany foren).

Отдельного обсуждения заслуживают дискуссии вокруг никаба – головного убора, полностью скрывающего лицо женщины. Этот наряд вызывает бурные дебаты в принимающем обществе.

... почему он в меня плюнул? Я же в никабе ... А дело не в никабе, а в том, что правовреная мусульманка шатается ... (22.08.2019, Germany foren).

... платочницы-никабницы куда ни плюнь – так мы их в никабах-то ущемим
 (28.07.2017, Germany foren).

И много чиновников в парандже и никабах в Германии сейчас? (24.12.2016, Germany foren).

В Германии существует запрет для госчиновников носить паранджу и никаб.

– Где купить в Штутгарте Никаб и Чадру?

– Вы еще про балалайку забыли спросить и домашних животных медведей.

– Да, я смотрю толерантность не наши конёк (17.09.2016, Germany foren).

Für viele Muslime haben die Burka oder der Hijab in der Tat nichts zu tun mit dem Islam
 (LC, 2018).

Es gibt zu viele unterschiedliche Interpretationen, als dass man pauschal sagen könnte, der Hijab sei ein Symbol der Unterdrückung oder der Freiheit (LC, 2018).

Mädchen im Westen sagen, sie kämen in die Hölle, wenn sie den Hijab nicht tragen (LC, 2018).

В немецком миграционном медиадискурсе ислам представлен как угроза.

Die Migration und die Bedrohung des Islamismus sind nun die Hauptthemen (LC, 2018).

Der schlechte Zustand führt neben einer hohen Todesrate zu einer starken Migration mit grossen Risiken (LC, 2018).

Das Augstein Migration als Bedrohung ansieht, geht aber aus anderen Passagen hervor (LC, 2018).

Номинация «зеленый цвет» используется как средство в языковой игре.

Autoverkehr grün, Finanzen grün, Sicherheit grün, Bildung grün, Migration grün (LC, 2018).

То, что в глаза приверженцев ислама было оскорблением их религиозных чувств, в глазах принимающего общества было обычным проявлением свободы слова. Конфликты разворачиваются в морально-правовой плоскости, при этом они демонстрируют

политическую составляющую. В игру вступают экстремисты на внутриполитическом уровне (местные правые радикалы, активисты местных мусульманских организаций, стремящиеся к максимальному «разогреву» эмоций). Число таких поборников ислама в Германии растёт.

Vor allem aber wächst die Zahl der Muslime, die in Deutschland das ganze Spektrum des Islam wiederspiegeln (Реде von Frank-Walter Steimeier, 26.02.2019, dwds).

Islam, der zu Deutschland gehört, gibt es längst, millionenfach gelebt! (Реде von Frank-Walter Steimeier, 26.02.2019, dwds).

– *Sie haben damals freudig erklärt, Herr Kurz, der Islam sei ein Teil Österreich.*

– *Nein, der Islam ist kein Teil Österreich, das sage ich Ihnen hier!* (Реде von Heinz-Christian Strache, 16.05.2017, dwds).

Нижепредставленный граф демонстрирует доминирующие семантические модули концептуального поля MIGRATION:

- организации и службы по вопросам миграции населения: *Bundesamt für Migration und Flüchtlinge; Bundesamt für Migration; Staatssekretariat für Migration; Bundesamt; Organisation; IOM;*
- интеграция: *Integration;*
- юридический статус: *illegal;*
- социальные агенты: *Flüchtlinge.*

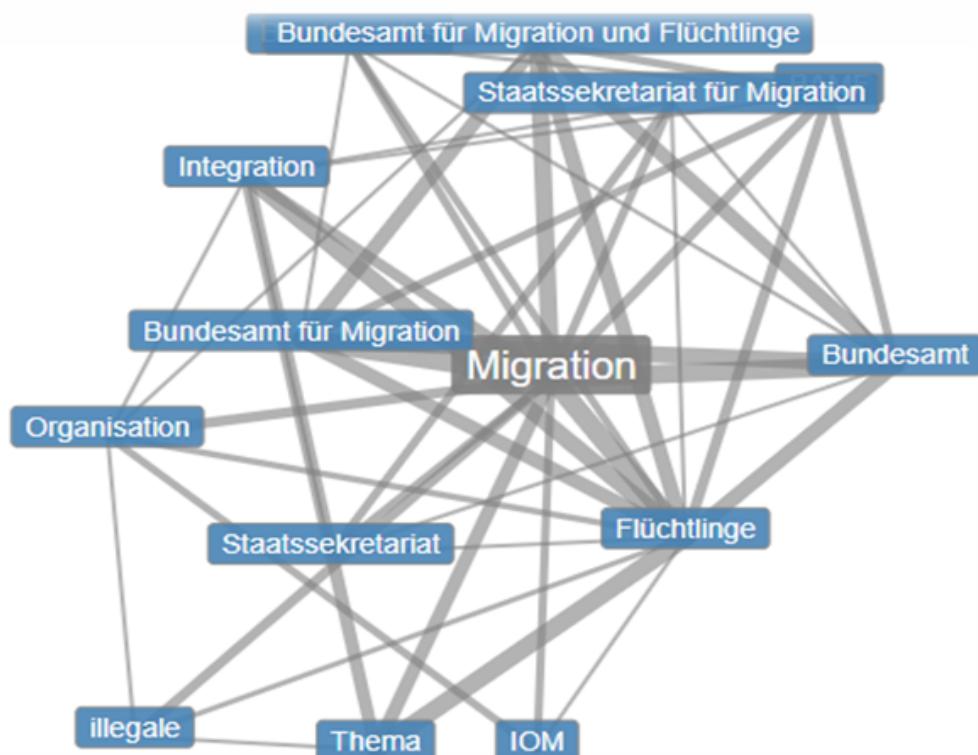

Рис. 2. Семантические модули концептуального поля MIGRATION (по данным LC)

Миграция рассматривается как результат войн, военных действий.

Migration ist Bestandteil der Menschheitsgeschichte und nur allzu oft Ergebniss von Kriegen (LC, 2018).

Миграция выступает как причина ослабления социальной поддержки.

Zugleich werden Sozialausgaben etwa bei der Migration gekürzt (LC, 2018).

Sicher ist die Migration ein grosser Stressfaktor, weil man sich in einem neuen Umfeld zurechtfinden muss und die sozialen Rahmenbedingungen nicht mehr stimmen (LC, 2018).

Миграция представлена как причина внутрипартийных обсуждений, противоборства.

Das Thema Migration ist eines der großen Streitpunkte der Koalitionsverhandlungen (LC, 2018).

Die Migration war der Beginn von politischen Zerwürfnissen, zwischen den Ländern der EU, der Parteien, zwischen Menschen (Haben wir das geschafft? Spiegel, 10.07.2020).

Das Thema Migration und Asyl war und ist eines der zentralen Streithemen der politischen Debatte (LC, 2018).

Миграция актуализируется как средство разъединения в территориальном и культурном аспектах.

Das Thema sei durch die Migration gröber geworden, da die kulturellen Unterschiede im Alltag stärker auffielen (LC, 2018).

Das Thema Flucht und Migration droht Europa zu zerreißen (LC, 2018).

Die Migration nach Europa ist ein weiterer Faktor, der Europa destabilisiert (LC, 2018).

Миграция выступает как источник и причина преступности.

Die aktuelle Eskalation von Brutalität und Gewaltkriminalität haben wir aber in erster Linie der Migration verdanken (LC, 2018).

Миграция – причина неуправляемости государством.

Angesichts des Klimawandels lässt sich Migration mit Abwehr oder mit Entwicklungshilfe nicht managen (LC, 2018).

Überall machen sich die Menschen Sorgen über die Auswirkungen einer kaum steuerbaren Migration (LC, 2018).

Beide blenden aus, dass globale Migration sich nicht in geordnete Bahnen lenken lässt (LC, 2018).

Миграция выступает как средство борьбы за власть.

Migration war eines der dominierenden Themen im Wahlkampf (LC, 2018).

Миграция представлена как причина распада экономики, с одной стороны, и, наоборот, как средство повышения благосостояния граждан, с другой.

Sinn hatte festgestellt, die Migration sei insgesamt ein Verlustgeschäft für Deutschland (LC, 2018).

Zu den großen Herausforderungen im neuen Jahr gehören auch die Migration, und die weiterhin wackelige Wirtschaftslage (LC, 2018).

Die meisten Bürger, die derzeit von dieser Regelung profitieren, besuchen jedoch ihr Land mehrmals im Jahr und geben zu, dass ihre Hauptmotivation für Migration wirtschaftlicher Art war (LC, 2018).

Миграция выступает как источник творчества.

Migration und Flüchtlinge waren eins der Hauptthemen für die Karikaturisten im vergangenen Jahr (LC, 2018).

Migration ist das Thema des nigerischen Künstlers (LC, 2018).

Миграция как причина изменения законодательства страны.

Zudem müsse man mit den Staaten Nordafrikas Abkommen gegen die illegale Migration schließen (LC, 2018).

Wir brauchen ein Einwanderungsgesetz zur Steuerung der Migration und einen funktionierenden Gesetzschatz (LC, 2018).

Man verlangte auch schnellere Verfahren beim Bundesamt für Migration und Flüchtlinge (LC, 2018).

Das ganze Asylsystem entspricht doch nicht mehr den aktuellen Gegebenheiten der Migration (LC, 2018).

Миграция как процесс, требуемый урегулирования.

Ban rief zur Schaffung zusätzlicher Wege für eine legale Migration auf (LC, 2018).

Миграция как средство единения общества.

Der Globale Pakt bietet Ländern die Möglichkeit, diese Chancen auszuschöpfen und besser auf die Herausforderungen von Migration zu reagieren (LC, 2018).

Die Welt ist enger zusammen gerückt durch Globalisierung und Migration, durch Tourismus und Internet (LC, 2018).

Для того чтобы измерить, насколько эффективными были те или иные усилия по социальному включению мигрантов, соответствующие структуры разработали систему показателей интеграции.

Качественные показатели:

- степень участия мигрантов в жизни местных сообществ;
- ощущение принадлежности;
- уровень приятия или признания мигрантов титульной нацией.

Количественные показатели:

- уровень занятости или безработица;
- доля получателей социальных пособий;
- уровень дохода;
- количество детей, успешно закончивших школу или отчисленных по неуспеваемости или из-за плохого поведения.

Все эти индикаторы используются:

- для мониторинга процесса интеграции и основных его характеристик;
- для формулирования дальнейших целей и приоритетов;
- определения непреднамеренных последствий принятых решений (законодательных актов, программ интеграции);
- выявления проблем, которые замалчивались или игнорировались [Малахов, 2015, с. 220–221].

В целях интеграции мигрантов реализуются интеграционные курсы (языковые и ориентационные). Ориентационные курсы предполагают поездку на метро, посещение мэрии, посещение почты, ознакомление с государственным устройством и правовой системой, национальной историей.

Миграция как средство «регенерации», обновления общества.

Es gab also keine genetische Auffrischung, was typisch für die Migration wäre (LC, 2018).

Positiv bewertet werden auch die Effekte der Migration auf die Gesamtwirtschaft (LC, 2018).

Die Mehrheit der Deutschen wisse, dass Migration angesichts der alternden Gesellschaft und des Fachkräftemangels nötig sei (LC, 2018).

Migration ist normal, ja aus ökonomischen Gründen überlebenswichtig für die Schweiz (LC, 2018).

Der Kanton Genf verdankt seinen Wohlstand laut einer Studie zu grossen Teilen der Migration (LC, 2018).

Die treiben florierende Geschäfte mit der Migration (LC, 2018).

Heute betreibt er dank der Hilfe der Internationalen Organisation für Migration eine Hühnerfarm in seinem Land (LC, 2018).

Die Schweiz habe heute eine Migration, die sie volkswirtschaftlich brauche (LC, 2018).

Миграция выступает как средство культурного обогащения в стране.

Auch durch Migration wurde die Esskultur in Wien beeinflusst (LC, 2018).

Миграция выступает как средство решения демографических проблем.

Österreich altert wegen der Migration langsamer als Deutschland (LC, 2018).

Parallel zum Immobilienboom ist die Bevölkerungszahl Spaniens in den letzten Jahren enorm gestiegen, vor allem wegen der Migration (LC, 2018).

Миграция представлена как причина ограничений в разных сферах жизни и деятельности человека: доступ к образованию, ограничение притока мигрантов.

Alles spricht dafür, die Migration zu beenden, Migranten nach Möglichkeit in ihre Heimatländer abzuschieben und vor Ort Hilfe zu leisten (LC, 2018).

Auch psychische Gewalt oder fehlender Zugang zu Bildung und einem selbstbestimmten Leben kann Migration auslösen (LC, 2018).

Die Brüsseler Behörde begründet das geplante Kontrollsyste mit der Terrorgefahr und der illegalen Migration (LC, 2018).

Der baden-württembergische Justizminister Guido Wolf spricht sich für eine Begrenzung der Migration aus (LC, 2018).

Vorbedingung müsse aber sein, dass die illegale Migration gestoppt werde, sagte Merkel in Paris (LC, 2018).

Die Grenzsicherung wird verstärkt, um damit die illegale Migration zu stoppen (LC, 2018).

Die Regierungschefs wollen die Sicherheit in Europa erhöhen und illegale Migration zurückdrängen (LC, 2018).

Ihr Hauptanliegen ist der Kampf gegen die muslimische Migration (LC, 2018).

Das Bundesamt für Migration sowie die Behörden am Ort tun alles, um Flüchtlinge zu vergraulen und loszuwerden (LC, 2018).

На форуме русских немцем представлена информация об ограничениях по предоставлению права на постоянное проживание для граждан, которые имели определённый социальный статус в России. Представляем выдержку из документа «Allgemeine Verwaltungsvorschrift zum Bundesvertriebenengesetz» (BVFG-VwV) Vom 1. Januar 2016:

Zu § 5: Ausschlussstatbestand 3.2.2 Für die Feststellung einer systemerhaltenden Funktion ist nicht auf die Einrichtung abzuheben, in der eine Funktion ausgeübt wurde, sondern jeweils auf die konkrete Funktion: Partefunktionen zur Durchsetzung des Willens der Partei in staatlichen, wirtschaftlichen oder anderen Einrichtungen sind für die Aufrechterhaltung des kommunistischen Herrschaftssystems bedeutsam. Dies gilt grundsätzlich nicht für Funktionen, die auch in anderen, nichtkommunistischen Staats- und Gesellschaftsordnungen erforderlich sind und ausgeübt werden (z. B. Verfolgung nicht politischer Delikte), auch wenn die Partei auf sie Einfluss nehmen konnte (BVerwG vom 29.3.2001 – 5 C 15.00). Unter Berücksichtigung der konkreten Funktion und des Einzelfalles kommt eine systemerhaltende Funktion insbesondere in Betracht bei

- *Regierungsmitgliedern,*
- *Berufsfunktionären der kommunistischen Massenorganisationen,*
- *Beroffizieren der Streitkräfte oder der Miliz – jedenfalls ab der Stellung eines Oberstleutnants,*
- *Richtern, Untersuchungsrichtern und Staatsanwälten,*
- *leitenden Mitarbeitern der Verwaltung und von größeren Wirtschaftsunternehmen,* (vgl. *Begründung zum Regierungsentwurf des Haushaltssanierungsgesetzes vom 17.9.1999 [Drs. 14/1636, S. 175]*), aber auch bei
  - *Angehörigen der Geheimdienste,*
  - *Diplomaten,*
  - *leitenden Gewerkschaftsfunktionären,*
  - *leitenden Funktionären des Jugendverbandes („Komsomol“),*
  - *leitenden Funktionären in Sportverbänden oder vergleichbaren Einrichtungen.*

Im Einzelfall können auch andere Funktionen systemerhaltend sein. Hinweise hierauf können sich insbesondere aus einer politischen Schulung und Aufsichtsfunktion ergeben (z. B. Politoffiziere der Streitkräfte) [verwaltungsvorschriften, эл. р.].

Как следует из текста документа к лицам, на которых распространяются ограничения по предоставлению права на проживание в Германии, относятся: члены правительства; профессиональные чиновники коммунистических массовых организаций; профессиональные офицеры вооруженных сил или милиции; судьи, следственные судьи и прокуроры; работники администрации и крупных коммерческих предприятий; сотрудники спецслужб; дипломаты; ведущие профсоюзные чиновники; старшие должностные лица молодежного объединения («Комсомол»); старшие должностные лица в спортивных ассоциациях или аналогичных учреждениях.

3 дня назад, 23:05 (23.07.2020)

Является ли наличие почивших родителей – довольно крупных инженеров – препятствием для получения статуса ПП? Насколько я понял из перевода параграфа – эти люди не могут считаться пособниками коммунистического режима и прочее. Но вот читал, что, якобы, отказали кому-то по причине наличия отца – директора школы.

2 дня назад, 00:00 (24.07.2020)

в ответ Serge5 3 дня назад, 23:05

Если в BVA сочтут их "пособниками правящего коммунистического режима" и заявитель прожил с ними 3 и более года, то это может грозить отказом по 5-му пар. Если нет, то отказа не будет.

2 дня назад, 06:07 (24.07.2020)

в ответ Stasya 2 дня назад, 00:00

Я смотрю, что по их разумению – даже рядовое членство в партии без выполнения активных функций – не является поводом для применения ограничений. Но вот директора школы, как проповедника коммунистической идеологии, как раз-таки могут и подозревать.

Одной из категорий миграционного дискурса становятся «Дети-мигранты», которые рассматриваются как социальные агенты, социальные участники миграционного дискурса в рамках образовательного дискурса.

В немецком миграционном медиадискурсе дети мигрантов («Migrantenkinder») представлены как неуспевающие ученики, испытывающие проблемы в школе.

Eine Studie ergab, dass Migrantenkinder trotz gleicher Leistung im Fach Mathe schlechter bewertet werden (LC, 2019).

Der Schulunterricht wird massiv erschwert, wenn Migrantenkinder die deutsche Sprache nicht beherrschen (LC, 2018).

Die Daten zeigen, dass Migrantenkinder im Vergleich zu Kindern von Einheimischen wirtschaftlich und schulisch benachteiligt sind (LC, 2018).

Migrantenkinder landen nach Ansicht von Experten zu oft in Haupt- oder sogar Sonderschulen (LC, 2018).

Dass viele Migrantenkinder in der Schule nicht erfolgreich sind, ist schon lange bekannt (LC, 2018).

Дети мигрантов становятся причиной неуспеваемости и других учащихся, которым учителя уделяют меньше времени.

Migrantenkinder in den Schulen sind für die schlechten Ergebnisse der Schüler verantwortlich (LC, 2018).

Wenn sich die Lehrer nur noch mit den Migrantenkindern beschäftigen müssen, bleiben deutsche Kinder natürlich benachteiligt, weil keine Zeit mehr vorhanden ist (LC, 2018).

Дети мигрантов подвергаются дескrimинации со стороны учителей.

Migrantenkinder werden laut einer Studie in Mathe schlechter benotet, obwohl sie in Tests die gleichen Leistungen erzielen wie ihre Mitschüler (LC, 2018).

В связи с экономическими трудностями и общественной изоляцией родителей дети-мигранты в большинстве случаев не в состоянии принять и понять культурную и социальную жизнь титульной нации. Более того, они сталкиваются с проблемой отсутствия положительного образа родителя, поскольку их родители обременены решением вопросов

жизнеобеспечения семьи. У детей-мигрантов проявляются заниженная самооценка, поскольку перед ними пример «родителя-неудачника», не «вписавшегося» в общественное и социальное развитие принимающей страны.

Дискриминации они подвергаются и при выборе линии своей жизни, например, получение образования.

Der Weg zur Abitur ist für Migrantenkinder häufig steiniger als für Kinder deutscher Herkunft (LC, 2018).

Migrantenkinder werden im deutschen Bildungssystem doppelt benachteiligt (LC, 2018).

Дискриминация рассматривается как негативное действие или совокупность негативных действий, направленных против людей, являющихся членами определенной социальной группы. Немецкие учителя относятся к детям-мигрантам с предубеждением. Учителя уделяют больше внимания информации, согласующейся с их предвзятыми взглядами. Такую дискриминацию можно рассматривать как форму проявления расизма, жестокую, но более утонченную [Шустова, Зубарева, Хорошева, 2020, с. 5–35].

В немецком миграционном медиадискурсе предметная сфера MIGRATION актуализируется в контексте с негативными номинациями: *Massengrab, Flucht, Vertreibung, Asyl, Streithema, Kampf, Terrorangst, Flüchtlinge, Armut, Rassismus, Bedrohung, Verhaftung, Gewalt, Elend, Streitpunkt, Konfrontation, Diskriminierung, Grenzsicherung; illegal, unkontrolliert, massiv, uneingeschränkt, grausam, unvermeidlich, gesteuert, begrenzt; militärische Besetzungen, rassistischer Angriff, gefälschte Pässe*,

Die Spirale aus Konflikt und Hunger schaffe mehr Instabilität, Gewalt, Elend und erzwungene Migration (LC, 2018).

Die politische Antwort Europas auf die Migration ist ein Massengrab im Mittelmeer (LC, 2018).

Zentraler Streitpunkt war bis zuletzt das Thema Migration (LC, 2018).

Die Kriminalitätsrate würde nähmlich zusammen mit der Migration steigen (LC, 2018).

Заключение

Таким образом, дискурсивная практика опосредует социальную практику через тексты. Дискурсивная практика выражения негативного отношения к миграции и участникам миграционного процесса (социальным агентам) реальна, так как МИГРАЦИЯ не является теоретическим измышлением. Дискурсивная практика выражения недовольства относительно символов ислама актуализирует предрасположенность мигрантов вести себя как члены социума титульной нации. При этом негативные оценки демонстрируют и

мигранты (русские немцы) по отношению к другим мигрантам. В этом случае дискурсивная практика «выстраивает» социальную реальность (термин О. С. Иссерс) и речевое поведение представителей социума.

Дискурсивная практика выражения общественного мнения представлена в немецком миграционном медиадискурсе средствами речевой агрессии, конфликтогенности как по отношению к миграции в целом, так и по отношению к социальным агентам миграционного дискурса. Дискурсивная практика актуализации негативного отношения к миграции представляет собой феномен социальной жизни и предполагает модификации этой актуализации от агрессии до геймификации. Последнее демонстрирует динамический характер дискурсивных практик в целом.

Список литературы

1. Демьянков В. З. Когнитивный диссонанс: когниция языковая и неязыковая // Когнитивные исследования языка. Взаимодействие когнитивных и языковых структур. Сборник научных трудов. Москва: Институт языкоznания РАН, Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. 2011. Вып. 9. С. 33–40.
2. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Аматов. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
3. Зубарева Е. О. Концепт «Мигрант» в миграционном дискурсе // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018, Т. 4, № 4. С. 29–41.
4. Зубарева Е. О. Номинативное поле концепта «Мигрант» // Мир науки, культуры, образования. 2018а, № 4(71). С. 420–422.
5. Зубарева Е. О. Языковая репрезентация концепта *МИГРАЦИЯ* // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика: монография / С. В. Шустова, Е. О. Зубарева, Н. В. Хорошева, В. М. Костева, Е. Ю. Мощанская, А. С. Киндеркнехт, Jh. Köck / научный редактор доктор филологических наук, профессор О. А. Радченко; Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2020. С. 65–112.
6. Желтухина М. Р. Миграционная медиалингвистика: конфликт vs. кооперация в межкультурной коммуникации // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики. Монография / Шустова С. В., Желтухина М. Р., Дружинина М. В., Зубарева Е. О., Исаева Е. В., Костева В. М., Черноусова А. С. / Научный редактор доктор филологических наук, профессор А. М. Аматов; Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2019. С. 6–21.

7. Иссерс О. С. Дискурсивные практики нашего времени. Изд-е 2, испр. Москва: ЛЕНАНД, 2015. 272 с.

8. Йоргансен М. В., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 350 с.

9. Костева В. М. «Тоталитарная» лингвистика в современной историографии: постановка проблемы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2008, № 2(2). С. 52–56.

10. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. Москва: Флинта, 2003. 838 с.

11. Малахов В. С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. Москва: Фонд «Либеральная Миссия», 2015. 272 с.

12. Миграционная лингвистика. Научный журнал. 2019. № 1. 116 с. ISSN 2686-9381.

13. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме. Коллективная монография / Зубарева Е. О., Исаева Е. В., Иценко А. В., Костева В. М., Моцанская Е. Ю., Шустова С. В. / Научный редактор доктор филологических наук, профессор Т. И. Ерофеева; Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2019. 163 с.

14. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики. Монография / Шустова С. В., Желтухина М. Р., Дружинина М. В., Зубарева Е. О., Исаева Е. В., Костева В. М., Черноусова А. С. / Научный редактор доктор филологических наук, профессор А. М. Аматов; Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. 180 с.

15. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика. Монография / С. В. Шустова, Е. О. Зубарева, Н. В. Хорошева, В. М. Костева, Е. Ю. Моцанская, А. С. Киндеркнхт, Jh. Köck / Научный редактор доктор филологических наук, профессор О. А. Радченко. Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2020. 180 с.

16. Морозова Е. В. Речевая агрессия и тактика ее смягчения // Аргументативная риторика в практике политического, делового и административно-правового общения. Международная Интернет-конференция. 01-20 апреля 2010 г. URL: http://iconf.vgi.volsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=80:2010-04-30-07-05-16&catid=40:2010-04-28-10-48-29&Itemid=55 (дата обращения: 05.07.2019).

17. Радченко О. А. Исследование агрессивного дискурса: проблемы и перспективы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2009, № 1 (3). С. 60–66.

18. Собянина В. А., Хохлова И. В. Языковая презентация миграции в немецких СМИ. Монография. Москва: Изд-во «Московский государственный педагогический университет», 2018. 167 с.

19. Уханова М. А. Почему нам смешно: классификация анекдотов по способу создания когнитивного диссонанса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019, № 6(822). С. 34–44.

20. Шустова С. В., Зубарева, Е. О., Хорошева Н. В. «Дети-мигранты» как социальные агенты миграционного дискурса // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика. Монография / С. В. Шустова, Е. О. Зубарева, Н. В. Хорошева, В. М. Костева, Е. Ю. Мощанская, А. С. Киндеркнхт, Jh. Köck / научный редактор доктор филологических наук, профессор О. А. Радченко. Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2020. С. 5–35.

21. Dinesh D’Souza The End of Racism, 1995.

22. Dwds – Корпус немецкого языка (электронный словарь немецкого языка) – www.dwds.de (дата обращения: июнь 2020).

23. Hartmann P., Husband C. Racism and the Mass Media. London: Davis-Poynter, 1974.

24. Gugenberger E. Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicieen und Galicierinnen in Argentien. Austria: Forschung und Wissenschaft. Literatur und Sprachwissenschaft. B.

21. LiT Verlag. AG GmbH&Co.KG. Wien. 2018. URL: <https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik> (дата обращения: 03.04.2020).

25. Germany foren -- URL: <http://Foren.germany.ru> (дата обращения: июнь 2020).

26. Krefeld Th. Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla. Gunter Narr Verlag. Tübingen. 2004. URL: <https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik> (дата обращения: 03.04.2020).

27. LC – Leipzig Corpora Collection. URL: <https://wortschatz.uni-leipzig.de/de> (дата обращения март–апрель 2020).

28. Stehl Th. Sprache und Diskurse als Träger und Mittler mobiler Kulturen. Kommunikative Aspekte // Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik. Universitäts Verlag Potsdam, 2011. Hrsg. Von Stehl, N. Franz, R. Kunow. S. 39–55.

29. Wilson C.C., Gutiérrez F. Minorities and the Media. Beverly Hills, CA. London: Sage, 1985.

30. Van Dijk T.A. Racism and the Press. London: Routledge, 1991. 291 p.

31. Verwaltungsvorschriften – URL: http://www.verwaltungsvorschriften-im-internet.de/bsvwvbund_01012016_MII52100551.htm (дата обращения: 25.07.2020).

32. voluntary – Henri Tajfel, 1974. URL: <https://voluntary.ru/termin/in-gruppa.html> (дата обращения: 25.07.2020).

Shustova S. V.

*Grand Ph.D. (Philology),
Perm State University,
Perm, Russian Federation*

***DISCOURSIVE PRACTICES
IN GERMAN MIGRATION MEDIADIS COURSE***

The article discusses the issues related to the formation of new discursive practices that are taking shape in modern conditions – conditions of deepening globalization and anti-globalization processes. The author of the article sets the task of determining the optimal "angle of observation" (in the terms of O. S. Issers) and representing those phenomena that are not yet amenable to strict differentiation within the framework of discourse theory and migration linguistics. Migration linguistics is an emerging trend that does not yet have its own conceptual apparatus. The lack of a unified terminology system and, as a consequence, the divergent use of migration linguistics concepts in various academic areas complicates the creation of a model of migration processes and the selection of key concepts, in particular the concept of 'MIGRATION'. The object of migration linguistics is not only a model of dynamic linguistic processes, not only a model of migration discourse, but also aspects such as motivation, circumstances, factors of migration, the consequences of migration processes in social practices. Social change can be understood as change in background practices. With regard to discursive practices, we can talk not only about the emergence of new communication channels, but also about the formation of new ideologies and "identities", about mixing discourses and, thus, about expanding of the discursive space. Social practices are subject to reconfiguration. It happens when a practice or aspect of the practice that was previously marginal becomes central. Understanding discursive practice – like any social practice – is based on understanding it as an activity and social experience given in direct observation.

Keywords: migration linguistics, migration media discourse, discursive practice, the concept 'MIGRATION', the German language, discourse analysis, social practice.

УДК 81-119

Сюткина Надежда Павловна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры
лингвистики и перевода, Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Тел.: +7 (342) 2396283, e-mail: nad975@yandex.ru

Черноусова Анастасия Степановна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры
теоретического и прикладного языкоизнания,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Тел.: +7 (342) 2396417, e-mail: nastya-chernous@mail.ru

**МИГРАЦИОННЫЙ МЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

Миграционные процессы в современном мире составляют неотъемлемую часть объективной реальности. Так или иначе они затрагивают практически все сферы жизни и, безусловно, отражаются в языке. Поэтому миграционная лингвистика, в сфере интересов которой и находятся вопросы языковых изменений под влиянием взаимодействия языков и культур, активно развивается в настоящий момент. Работы по миграционной лингвистике представляют большой интерес, поскольку отражают динамические процессы в языке, позволяя нам проследить взаимодействие комплекса лингвистических и экстравербальных факторов на развитие языка. Одной из таких работ, безусловно заслуживающей пристального внимания является научная монография В. А. Собяниной, И. В. Хохловой «Языковая репрезентация миграции в немецких СМИ». В данной статье дан краткий обзор структуры работы, проблем, выдвинутых авторами, методики их решения, рассмотрено содержание разделов монографии, выделены ключевые моменты и подчёркнуты результаты работы. В заключение даётся общая оценка значимости

рецензируемого исследования для отечественной миграционной лингвистики, которая обусловливается комплексным подходом. Именно комплексный подход позволил осуществить тщательный анализ лексических особенностей миграционного дискурса в германских средствах массовой информации. В работе доказан как сам факт существенного влияния иммиграции на развитие немецкого языка, так и способы осуществления этого влияния на лексический состав языка.

Ключевые слова: миграционная лингвистика, медийный дискурс, миграция, иммигрант, pragmatischer Potential, метафора, метафорическая модель.

Введение

Интерес к миграционной лингвистике растёт из дня в день, что, безусловно, имеет свои причины. Миграция в настоящий момент является одним из основных факторов, оказывающих влияние на многие стороны жизни, и, как следствие, на развитие культуры в целом и языка в частности. Миграционные процессы в обществе «запускают» множество новых явлений в языке, так что проблематика исследований очень обширна. Всё это требует научного осмыслиения и изложения, миграционная лингвистика находится на этапе становления. «Причиной становления миграционной лингвистики как самостоятельного направления в лингвистической науке стал факт массивных, многообразных миграционных движений, возникающих в мобильном и глобализирующемся мире» [Шустова, 2018, с. 115]. В связи с этими глобальными процессами «особую значимость приобретает языковая динамика и её релевантность для лингвистики в целом» [Там же].

Известно, что миграционная лингвистика как отдельное направление активно развивается в зарубежной лингвистике последних лет, например, такими учеными как: С. Discher, P. Kerswill, Th. Krefeld, I. Piller, Th. Stehl, K. Silbereisen [Discher, 2018; Kerswill, 2006; Krefeld, 2004; Piller, 2016; Stehl, 2011; Silbereisen, 2016]. В отечественной науке количество работ по этой теме не так велико [см., например: Зубарева, Шустова, 2018; Шустова 2018; Шустова, Костева, Хорошева, 2019], тем важнее факт выпуска монографии, выполненной в русле этого направления.

Основная часть

Монография «Языковая презентация миграции в немецких СМИ» представляет собой труд, цель которого заключается в исследовании семантических и лексико-прагматических особенностей медийного дискурса о миграции (на материале немецких СМИ). В работе рассматривается ряд актуальных лингвистических проблем, связанных с

мигрантской тематикой – особенности «дискурса об иммигрантах», лексическая репрезентация миграции в немецких изданиях, ключевые понятия предметной сферы «иммиграция», а также прагматический аспект метафорической репрезентации данной сферы в исследуемом дискурсе. Особое внимание в монографии уделяется методике анализа предметной сферы «иммиграция» при помощи компьютерной программы MAXQDA.

Монография состоит из предисловия, трех глав и заключения. Первая глава «Теоретические основания исследования языковых особенностей репрезентации миграции в СМИ» сфокусирована на определении предметной сферы «миграция», как комплексном явлении современного мира, проведен обзор основных работ о влиянии иммиграции на языковые процессы. В этой главе выявляются общие характеристики и различия в трактовке термина «дискурс» в рамках лингвистической науки, уточняются характеристики медийного дискурса, обосновывается определение медийного дискурса предметной сферы «иммиграция» как самостоятельного типа дискурса. В данной главе также определяются ключевые направления при исследовании дискурса об иммигрантах, производится систематизация способов и средств репрезентации иммигрантов, выявленных в текстах СМИ, анализируются теоретические понятия, требующие конкретизации в рамках исследования заявленной темы, дается характеристика современного медийного миграционного дискурса Германии и разрабатывается методика исследования с использованием программы MAXQDA 11.

Вторая глава монографии «Особенности лексической репрезентации предметной сферы «Миграция» в СМИ» посвящена анализу отобранного материала; здесь рассматриваются основные лексико-семантические группы в рамках исследуемой тематики и особенности прагматических ситуаций использования синонимичных лексических единиц. Выявляются ключевые понятия в текстах СМИ об иммигрантах, рассматриваются их семантические особенности и выявляются тенденции их использования.

Для данной работы ключевым моментом становится понятие дискурса о мигрантах как особого типа дискурса. За основу взят критерий тематической общности текстов, что позволяет на первом этапе выделить медийный дискурс об иммигрантах в отдельный тип, к которому относятся высказывания и тексты различных жанров, сосредоточенные вокруг темы «иммиграция». Их объединяет также одна цель – оказать влияние на восприятие иммигрантов и их поведения, а также показать отношение общества к происходящим событиям и новым реалиям.

Медийный дискурс предметной сферы «иммиграция» определён в работе как поли- и интердискурсивное многогранное образование, как самостоятельный тип дискурса, специфика которого определяется его положением на стыке многих типов дискурсов (политического, экономического, социального, педагогического и др.), составом участников и стремительными темпами его развития.

Выбор в качестве объекта исследования миграционного дискурса неслучаен: влияние миграционных процессов на язык особенно остро ощущается в медийном пространстве. Современное информационное коммуникационное пространство само по себе является обширным полем деятельности для лингвистов, оно требует новых методик работы с материалом. Для успешного решения поставленной задачи необходимы средства, позволяющие оперировать большим количеством информации и охватывать значительные пласти языкового материала.

Авторы использовали для систематизации материала компьютерную программу MAXQDA 11. Эта программа предназначена для контент-анализа и позволяет работать с созданным для исследования корпусом текстов.

Рассмотрим применённую авторами методику пошагово: в первую очередь, исходя из критерия релевантности, были отобраны тексты. Под релевантностью в работе справедливо понимаются наиболее распространённые в Интернет-пространстве тексты, популярные у читателей различных политических взглядов. Репрезентативность взглядов гарантировал выбор изданий: *Spiegel*, *Zeit* и *Bild*, как наиболее авторитетных немецких журналов с разной политической направленностью и с самой обширной аудиторией.

Также заслуживает внимания временной критерий отбора материала. За точку отсчёта авторы выбрали период с 2000 по 2014 г., дополнив затем материал актуальными примерами за последние годы, чтобы продемонстрировать динамику изменений. Этот период представляет собой несколько этапов развития ситуации с мигрантами, подробно представленных в монографии, равно как и ещё ряд других экстравербальных факторов, оказавших влияние на формирование общественного мнения о мигрантах и отражение его в языке. Авторы сгруппировали по тематическому принципу слова, выражения и высказывания, реализующие ключевые понятия «иммиграция», «интеграция», «отношения в обществе».

К первой группе были отнесены номинативные единицы, обозначающие иммиграцию, принимающую страну и самих иммигрантов; ко второй группе были отнесены лексические единицы, выражающие определённое отношение к иммигрантам и характеризующие политику государства. Здесь интерес представляют лексические способы создания

оппозиции «свой – чужой». Метафоры и метафорические модели были выделены в третью группу. Таким образом, корпус исследования, созданный по заданным критериям, демонстрирует высокую степень репрезентативности; работа с программой MAXQDA дала возможность оперативно обрабатывать и интерпретировать информацию.

К несомненным плюсам работы нужно отнести сочетание работы с компьютерной программой, позволяющей обрабатывать большой объём информации и комплексно анализировать корпус данных, и классических подходов к исследованию лингвистического материала, когда основное внимание уделяется исследованию функционирования лексики, семантики и прагматики в их взаимодействии. Анализ лексического состава дискурса (наличие ключевых слов), изучение метафоры и других выразительных средств воздействия выступают одним из основных аспектов исследования языка, позволяют определить прагматический потенциал дискурса и проследить влияние глобальных процессов на развитие общества и языка.

Важно отметить фактор учёта в работе экстралингвистических факторов.

Так, например, интересна история понятий «*Migration*», «*Einwanderung*» и «*Zuwanderung*», которые составляют ядро лексико-семантической группы «иммиграция». За употреблением этих лексем стоят политические факторы, обусловливающие различие в коннотациях этих понятий, в результате чего лексические единицы «*Einwanderung*» и «*Zuwanderung*» выступают в прагматических ситуациях, описывающих потребность в иммигрантах, и играют, благодаря этому факту, важную роль в создании положительного общественного мнения. В работе приведена прагматическая оценка использования этих лексем и сделан вывод, что факт потребности в иммигрантах способствует возврату к активному использованию термина с положительной коннотацией «*Einwanderung*». Необходимо подчеркнуть, что особенности использования этих лексических единиц не были рассмотрены ранее, поэтому результаты анализа позволяют по-новому посмотреть на хорошо известные синонимы, определить контекстуальные особенности употребления и их прагматические особенности.

Оценке формирования общественного мнения об иммиграции средствами массовой информации в работе уделяется большое внимание. В этом ракурсе хотелось бы остановиться на том, как в монографии проанализированы способы реализации оппозиции «свой – чужой» в текстах СМИ предметной сферы «иммиграция». Были выявлены основные способы номинации иммигрантов и их участие в поляризации общественного мнения путём создания оппозиции «свой – чужой», за счёт концептуализации отдельных черт иммигрантов в общественном сознании. Физические данные внешности, признак территориальной или

региональной принадлежности, а также понятия, репрезентирующие опасность и угрозу служат созданию этнических стереотипов, которые и формируют положительную или отрицательную оценку. В качестве основных сфер реализации угрозы со стороны иммигрантов были определены сферы социальной и финансовой стабильности, рынок труда и сфера общественной безопасности.

В работе выделены ключевые понятия предметной сферы «миграция» в СМИ и определены прагмасемантические особенности их использования. Все выявленные ключевые слова и понятия были сгруппированы по тематическому признаку, что позволило систематизировать весьма объемный материал. В результате анализа были определены особенности использования ключевых слов дискурса и их роль в создании прагматического потенциала дискурса. Была выявлена тенденция к переходу от одних ключевых понятий к другим, что свидетельствует о необходимости переосмысления предметной сферы «иммиграция» в немецком обществе.

Важным этапом исследования является подробный анализ метафорических моделей предметной сферы «иммиграция» в германском медийном дискурсе. Заслуживает внимания классификация метафор, разработанная в соответствии с понятийной сферой-источником метафорической экспансии. Данная классификация позволила сделать вывод о том, что в сообщениях немецких СМИ предметной сферы «иммиграция» самыми частотными являются метафорические модели, репрезентирующие иммиграцию как потенциальную угрозу для страны и опасность, от которой необходимо защищаться.

Реализация положительной оценки иммиграции, происходит за счёт выражения авторской эмпатии по отношению к иммигрантам и к иммиграционным процессам при помощи спортивной, экономической и мифологической метафор. В исследовании доказано, что основная часть выразительных средств в немецком медийном дискурсе предметной сферы «иммиграция» обладает негативным прагматическим потенциалом и служит для укрепления оппозиции «свой – чужой».

Для создания и поддержания стереотипов об иммигрантах используются метафоры и другие выразительные средства с семантикой угрозы, опасности, массовости и неизбежности. Лишь третья часть рассмотренных средств репрезентирует успехи иммигрантов в интеграции и образовании, а также выражает эмпатию в отношении вынужденных беженцев и иммигрантов. Именно исследование метафор в рамках дискурса позволило рассмотреть особенности создания в немецком общественном сознании образов иммиграции и активных участников данного процесса.

Итогом исследования прагматического потенциала медийного дискурса стало подтверждение того, что на лексическом уровне формируется преимущественно негативная оценка иммиграции, актуализируемая в оппозиции «свой – чужой». Данная оппозиция, равно как и преобладание негативной оценки, прослеживается также в метафорах и других выразительных средствах воздействия на аудиторию.

Заключение

К важным итогам работы отнесём комплексный подход к исследованию, который обусловил возможность анализа лексической наполняемости и прагматической составляющей оппозиции «свой – чужой» в рамках исследуемого дискурса. Были выявлены основные пути реализации данной оппозиции в СМИ: путём номинации иммигрантов на основе противопоставления национальности, происхождения, вероисповедания, культурных особенностей, длительности и целей пребывания и других факторов.

Анализ фактического материала позволил сделать вывод, что иммиграция оказывает существенное влияние на развитие немецкого языка, что проявляется в обновлении лексического состава языка за счет синонимии и метафоризации существовавших ранее в языке лексических единиц, а также за счет новообразований и их участия в словообразовании.

Исследование ключевых слов и понятий выявило их активное участие в формировании и дальнейшем развитии оппозиционного характера немецкого медийного дискурса об иммигрантах.

К несомненным достоинствам работы отнесём последовательность и системность изложения, вплетение лингвистических явлений в историческую канву развития событий, анализ этих событий с точки зрения их влияния на лингвопрагматические особенности. Авторами проработан огромный массив данных, выбранная методика позволила их систематизировать и проанализировать. Данная работа представляет собой важный вклад в миграционную лингвистику в целом; в ней затронуты важные аспекты современной лексикологии, дискурсологии и метафорики.

Список литературы

1. Зубарева Е. О., Шустова С. В. Миграционная лингвистика: динамические процессы в языке. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 6–2. С. 132–136.
2. Шустова С. В. Миграционная лингвистика и миграционный дискурс // Теоретическая и прикладная лингвистика, 2018, 4 (2). С. 114–125.

3. Шустова С. В., Костева В. М., Хорошева Н. В. Мигрантский образовательный дискурс: коммуникативные стратегии и тактики // Миграционная лингвистика. 2019. № 1. С. 4–22.
4. Discher C. Sprachkontakt, Migration und Variation: Die frankophone Integration von Rumänen in Paris nach 1989. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2015. 272 S.
5. Gugenberger, E. Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicieen und Galicierinnen in Argentien // Austria: Forschung und Wissenschaft. Literatur und Sprachwissenschaft. B. 21. LiT Verlag, AG GmbH&Co.KG. Wien, 2018. URL: <https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik> (дата обращения: 03.06.2020).
6. Kerswill P. Migration and language // Sociolinguistics / Soziolinguistik. An international handbook of the science of language and society / K. Mattheier, U. Ammon, P. Trudgill (eds.). 2nd ed. Vol 3. Berlin: De Gruyter, 2006. P. 2271–2285.
7. Krefeld Th. Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla. Gunter Narr Verlag. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2004. – URL: <https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik> (дата обращения: 03.06.2020).
8. Piller I. Language and Migration. London: Routledge, 2016. 1600 p.
9. Stehl Th. (Hrsg.) Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik. Universitätsverlag Potsdam, 2011. URL: <https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik> (дата обращения: 03.06.2020).
10. Silbereisen K. The Challenges of Diaspora Migration: Interdisciplinary Perspectives on Israel and Germany. London: Routledge, 2016. 354 p.

Syutkina N. P.

*PhD (Philology), Associate Professor,
Linguistics and Translation Department,
Perm State University, Perm, Russian Federation*

Chernousova A. S.

*PhD (Philology), Associate Professor,
Theoretical and Applied Linguistics Department,
Perm State University, Perm, Russian Federation*

ON THE ISSUE OF THE DEVELOPMENT OF MIGRATION LINGUISTICS

Migration processes in the modern world are an integral part of objective reality. One way or another they affect almost all spheres of life and, of course, are reflected in the language. Therefore, migration linguistics is actively developing at the moment and in the sphere of interests of it there are

issues of language changes that are influenced by the intersection of languages and cultures. Researches in migration linguistics are of great interest because they reflect dynamic processes in the language, allowing us to trace the interaction of a complex of extra-linguistic and linguistic factors on the development of the language. One of such works that deserves attention is the scientific monograph by V. A. Sobyanina, I. V. Khokhlova "Language Representation of Migration in the German Media". The present article gives a brief overview of the structure of the monograph, the statement of the problem that its authors put forward, the methods for solving it. The contents of the sections of the monograph are considered, and key points and results of the work are emphasized. In conclusion, a general assessment of the significance of the peer-reviewed study in Russian migration linguistics is given; it is determined by an integrated approach to research. It was an integrated approach that allowed a thorough analysis of the lexical features of migration discourse in the German media. This proves the idea that the linguistic composition of the language does not matter.

Keywords: migration linguistics, media discourse, migration, immigrant, pragmatic potential, metaphor, metaphorical model.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.111

Проскурнин Борис Михайлович

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой мировой литературы
и культуры, Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел.: +7(342) 2396339, e-mail: bproskurnin@yandex.ru

ИММИГРАЦИЯ И/ИЛИ РЕКОЛОНИЗАЦИЯ? ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ КЭРОЛ ЭНН ДАФФИ

В статье анализируется стихотворение крупнейшей английской поэтессы Кэрол Энн Даффи в контексте иммиграционных проблем современной Великобритании, её колониального прошлого и постколониального настоящего, а также в контексте размышлений этического философа, впервые заострившего проблему взаимоотношений с Другим и чужим, Эммануэля Левинаса. Акцентируется актуальность иммиграционной тематики для современной британской литературы в целом. В стихотворении «Foreign» Даффи своеобразно размышляет над проблемами иммиграции, национальной идентичности, прокламируемой толерантности и её реального «лица» как обратной стороны политики мультикультурализма и реколонизации иммигрантов. Демонстрируется, что двадцатистрочное стихотворение построено на особой работе с читателем, по принципу драматического лирического монолога; оно написано белым стихом с большим количеством анжамбемана трёх типов, что придаёт особый психологический драматизм лирическому монологу. В статье показывается, как и с какой целью Даффи использует разговорный язык и смену речевых регистров; анализируется роль внедрённой в лирическое полотно прямой речи героя, стилизованной под речь с иностранным акцентом. Показывается, как возникает в стихотворении внутренняя лиричность, связанная со сменой лирического объекта лирическим субъектом, что эмоционально заостряет вопрос о «чужести» иммигранта стране его пребывания, о незаинтересованности принимающей страны в нём, кроме как в качестве рабочей силы, а его – в ней. Подчеркивается, что К. Э. Даффи видит надежду на

возможное преодоление этой пропасти, по сути являющейся ничем иным, как реинкарнацией уже печально известной иерархии между колонизатором и колонизируемым во взаимном стремлении к пониманию друг друга. При этом большую ответственность она накладывает на читателя – резидента принимающей страны.

Ключевые слова: иммиграция, современная британская литература, английская поэзия, Кэрол Энн Даффи, Эммануэль Левинас, драматический лирический монолог.

Введение

В одной из недавних работ, посвящённых теме иммиграции в современной британской литературе, обнаружилась любопытная особенность, имеющая очевидный лингвокультурологический аспект. Автор невероятно синонимичен в обозначении иммигранта и иммиграции: migrant, immigrant, incomer, foreignor, outsider, intruder, influx, immigrantintake etc. [см.: Harding, 2015]. Широко известно, насколько синонимичен английский язык. Однако думается, что такой большой синонимический ряд для обозначения одного явления говорит о значительном по времени процессе языкового освоения этой реалии и её большой актуальности для носителей языка.

Миграция людей других рас и национальностей в Англию – давнишнее явление, неудивительное для страны, на протяжении многих столетий бывшей в авангарде мирового экономического, политического, в том числе и колониального, социального развития, «мастерской мира», «владычицей морей», «мировым купцом» и т. д. и т. п. Для страны, которая в течение столетий была крупнейшей колониальной державой мира и одновременно обладала самым либеральным иммиграционным законодательством, широко открывавшей дверь для политических беженцев, преследуемых в своих странах, особенно – после революций в Европе (и не только в ней), войн, катаклизмов всякого рода, в том числе и межнациональных, межконфессиональных и межрасовых.

Так, в 1948 г., через год после обретении независимости Индией, распавшейся на две страны – Пакистан и собственно Индию, в Соединенном Королевстве был принят знаменитый «Акт о гражданстве», по которому жители бывших колоний получали британское гражданство и право селиться в Великобритании, после Второй мировой войны сильно нуждавшейся в рабочей силе. И хотя затем (в 1962 и в 1976 гг.) правительство пыталось как-то ограничить число въезжающих, тем не менее принятие этого Акта в определённой степени явившегося продолжением британской иммиграционной политики предшествующих лет, сыграло роль катализатора в быстром превращении Англии в мультикультурную страну.

Политолог Е. В. Хахалкина отмечает: «Великобритания стала страной иммиграции более полувека назад – в 1950-е гг., когда в страну стали активно въезжать, воспользовавшись Актом о британском гражданстве 1948 г., темнокожие выходцы из Вест-Индии, Индии, Пакистана и африканских колоний» [Хахалкина, 2017, с. 163]. При этом она верно замечает: «Великобритания уже давно превратилась в страну иммиграции. За период с 1993 по 2014 г. доля рождённых за пределами Соединенного королевства лиц, прибывших в это государство, увеличилось более чем на 50 %» [Там же, с. 164].

В связи с такими бурными иммиграционными процессами не мог не возникнуть ряд «напряженностей» в сосуществовании групп разных и различных рас, национальностей, религий, культур; особенно когда оказалось, что идея мультикультурализма, столь горячо поддерживаемая и возносимая на щит разными слоями британского общества с 1980-х гг., работает не столько на сближение, сколько на отдаление друг от друга постоянных резидентов, особенно англосаксов, и иммигрирующих в страну людей. Одним из главных посылов мультикультурализма была внешне благородная идея сохранения въезжающими собственных культурных обычаев и традиций. Именно поэтому приветствовалось создание различных и многочисленных национальных диаспор, многие из которых, однако, быстро превратились в своеобразные анклавы со своими, а не страны-резидента, законами и правилами общежития. Исследователи утверждают: «Мультикультурализм, позволив иностранцам не менять свой образ жизни, притупил их мотивацию включаться в британское общество» [Там же, с. 164].

Неслучайно некоторые британские учёные пришли к выводу о том, что «“англосаксонская модель мультикультурализма” приводит к социальной дезинтеграции и геттоизации групп меньшинств» [цит. по: Караваева, 2017, с. 99] и что «белыми гражданами Британии мультикультурализм расценивается как политика, созданная для “любого рода меньшинств”» [Ibid], но только не для них. Неслучайно многие в Британии полагают, что в конце XX – начале XXI вв. «стремительно развивается политизация этничности» [см.: Харитонова, 2016, с. 226], а это неизбежно ведёт к обнажению межнациональных, межрасовых и межконфессиональных противоречий. Согласно данным переписи 2011 г., белые англичане составляли лишь 78,9 % всего населения страны, а выходцы из южных неевропейских стран (а именно такой иммигрант – герой анализируемого в статье стихотворения К. Э. Даффи) составляли более 8 % населения [Хахалкина, 2017, с. 166].

Одновременно события следующих после 1948 г. лет, имеется в виду распад Британской империи, не поколебали в британском (особенно в английском) национальном менталитете имперскую, то есть колониальную, составляющую. Трудно не согласиться,

пожалуй, с лучшим в России специалистом по современной Великобритании Ал. А. Громыко, пишущим об англичанах следующее: «Империя имела для них экзистенциальный смысл, определяла их мироощущение, к ней относились, как к живому организму, вызывавшему особые чувства», поскольку была их «символом величия, их гордостью, неотъемлемой частью национального самосознания» [Громыко, 2005, с. 11].

Отметим любопытное явление, связанное с осознанием национальной идентичности, особенно обострившееся в эпоху деволюции (делегирования центральными правительственные органами части своих полномочий местным органам власти), начатой лейбористским премьер-министром Т. Блэйром и продолженной его преемником Г. Брауном в 1997 – 2010 гг.: «дробление» того, что можно назвать «британскостью» на составляющие её «английскость», «шотландскость», «валлийскость» и «ирландскость»; возрастающее и уже укоренившееся восприятие «чужими» не только представителей народов и стран, не входивших в Британскую империю, но и всех «небританцев», в том числе и бывших под её владычеством, – при всей декларируемой и проводимой политике мультикультурализма. Она, как раз, наоборот, стимулировала эту «чужесть», «друговость», говоря языком этических философов, таких как Эммануэль Левинас (1906–1995). Философско-этические работы Э. Левинаса и его последователей весьма активно используются в работах учёных, занимающихся в том числе и проблемами иммиграции и взаимодействия культур.

Уже на протяжении более чем полувека иммиграционная проблема – одна из центральных в публичном, прежде всего в медийном, пространстве Великобритании. [Хахалкина, 2017, с. 167]. О большой значимости этой проблемы свидетельствует и результат судьбоносного референдума 2016 г. о выходе Соединенного Королевства из Европейского Союза. Известно, что главным аргументом, приведшим 51,9 % голосовавших к одобрению выхода страны из ЕС, стал как раз вопрос иммиграции и политика руководства сообщества по практически бесконтрольному въезду беженцев из Азии и Африки в Европу.

Вместе с тем проблемы иммиграции, отношения к иммигрантам и национальной и расовой идентичности имеют в Британии весьма специфические черты в условиях доминирования (нередко агрессивного) идеологии и практики толерантности, когда всякое заострение этих проблем может быть истолковано как проявление нетерпимости, антидемократизма, а то и ксенофобии.

С другой стороны, как показал Референдум 2016 г., антииммиграционные настроения в Англии и «общественная тревога по поводу присутствия в стране иностранцев» [Там же, с. 167], неприятие их социальным сознанием очень сильны. Их корни надо видеть в том числе и в отголосках имперских амбиций белых англичан, и в отношении иммигрантов

«первой волны» (середины XX в.) к вновь приехавшим (причём не только из Азии и Африки, но и из Восточной Европы) [см. об этом подробнее: Харитонова, 2016; Хахалкина, 2017].

Об этом же убедительно пишет, размышляя о современных англичанах, Ал. А. Громыко: «Имперский менталитет, то есть мышление в глобальных категориях свободного перемещения людей, финансов, товаров и услуг, просвещенческий мессианизм, снисходительное отношение к другим народам, ощущение англосаксонской исключительности, в значительной степени свойствен им и сегодня» [Громыко, 2005, с. 11].

Основная часть

Такая инерция имперского менталитета стала предметом размышлений Кэрол Энн Даффи (г.р. 1955), классика английской поэзии, чьи стихи включены в школьную программу английской литературы; с 2009 г. по 2019 г. Поэта-лауреата (почётная должность при королевском дворце). Стихотворение «Foreign» («Иностранные») из сборника 1993 г. с весьма красноречивым названием – «Mean Time» («Подлое время»; возможные варианты перевода: «Злобное время», «Низкое время» «Убогое время»), может быть прочитано в контексте литературного явления, которое английский литературовед Уильям Мэй в книге «Послевоенная литература, от 1950 к 1990» называет «реколонизацией», то есть художественным изучением национальных и расовых отношений в постколониальной Британии как «неизбежно болезненных связей между “тогда” и “теперь”», как новый тип колонизации уже иммигрантов [May, 2010, p. 208].

Однако другой британский литературовед, Патрик Диер, размышляя о британской литературе 1990-х – 2010-х гг. (до референдума 2016 г. о выходе из Евросоюза и до знаменитой и отражающей сложившееся к тому времени реальное положение дел в отношении общества к иммигрантам фразы премьер министра Т. Мэй «Если ты называешь себя гражданином мира, то ты не принадлежишь своей стране») полагает, что для послевоенной британской литературы «наиболее типичными были такие ценности, как «толерантность» или «уважение» к иммигрантам, беженцам или гражданам других стран» [Deer, 2019, p. 251] и что благодаря этому сложилось то, что он называет космополитизмом британской литературы и культуры.

Другой известный исследователь современной британской прозы Ник Бентли, вслед за рядом учёных, например, Хоми Бхабба – ведущим специалистом в области мультикультурристской художественной прозы Британии, говорит о некоем «третьем пространстве» расовой и национальной идентичности – «гибридном», когда «типичная иерархия между колонизатором и колонизируемым не берётся в расчёт» [см.: Bently, 2008,

р. 20]. Стихотворение К. Э. Даффи заставляет сомневаться, так ли уж толерантность и уважение к иммигрантам «наиболее типичны», так ли уж толерантно британский мир принимает небританцев, особенно из бывших колоний, не выдает ли П. Диер желаемое (идеальное) за действительное и не ошибается ли Х. Бхабба.

Как уже было сказано, заглавие стихотворения «Foreign» должно переводиться на русский язык именно собирательным существительным – «иностранные», поскольку пафос произведения и его подтекст связаны прежде всего с психологически акцентированным драматическим ощущением иммигрантом из южных стран, объектом лирического изображения, своей «чужести» в стране, куда он приехал; «чужести» не только своей, но и весьма равнодушной и холодной – в прямом и переносном смысле слова – принимающей страны. Причём поэтесса делает очень интересный ход, когда предлагает читателю превратить объект в субъект: самому на какое-то время стать иммигрантом, побывать на его месте, попытаться перенести на себя его страхи, боли, переживания, печали и тоску от пребывания в совершенно чужом мире.

Здесь как нельзя лучше «работают» этико-философские размышления Э. Левинаса о «чужом» и «Другом». Так, после прочтения стихотворения, состоящего всего из четырех пятистрочных строф нерегулярного ямба сразу же бросается в глаза особенность его организации: начальные и финальные слова как бы «зацикливают» стихотворение. В связи с этим возникает ощущение едва ли не трагического замкнутого круга одиночества, что превращает, по Э. Левинасу, страдания иммигранта в «событие, в котором полностью свершилось одиночество существующего» [Левинас, 1998, с. 85].

Словами «Imagine (that)» в начале и в конце стихотворения (причём в конце – через подчеркивающую драматизм стиха цезуру) К. Э. Даффи одновременно эмоционально и интеллектуально «встряхивает» обывателя, до этого в лучшем случае снисходительно-безразлично воспринимавшего иммигрантов. Это особенно ощущается по тональности, с которой автор рисует городскую среду обитания иммигранта.

К. Э. Даффи в этом стихотворении, как и во многих других, использует известный благодаря знаменитому английскому поэту XIX в. Роберту Браунингу и доведенный им до совершенства жанр драматического лирического монолога. У Браунинга это были произведения, блестяще синтезировавшие лирику и драму; они основывались на драматизме внутреннего действия и передавали сложную гамму чувств, настроений, даже порою подсознательных процессов лирического героя.

Для разговора о поэзии К. Э. Даффи, отличающейся тяготением к использованию разговорного стиля, простых слов, «свежо выхваченных из сознания людей, вовсе не поэтов»

[Mendelson, 2002], весьма важно, что жанр драматического монолога нацелен на передачу речи вслух лирических героев (см. подробнее об этом жанре: [Клименко, 1967, с. 39–60]). А у К. Э. Даффи помимо лирического героя, то есть иммигранта, в «произнесении» монолога должен принимать участие и читатель, которого первое и последнее слово *imagine* («вообрази», «представь себе»), превращает в субъекта лирического события, моделируемого автором.

При анализе этого поэтического приёма К. Э. Даффи методологически справедливыми кажутся следующие размышления Э. Левинаса: «Отношения с Другим проблематизируют меня, изымают и продолжают изымать меня из меня самого, раскрывая во мне все новые дарования» [Левинас, 1998, с. 165]. Предложение К. Э. Даффи стать на время иммигрантом и столкнуться с проблемами его безрадостного бытия в чужой стране – это во многом как раз предложение читателю «изъять себя самого» из привычного и удобного бытия и проникнуться совсем другой жизнью в его, читателя, стране:

*Представь себя, живущим в чужом, мрачном городе уже двадцать лет.
Несколько унылых жилищ в восточной части,
и одно из них твое. На лестничной площадке ты слышишь,
как эхо твоего акцента катится вниз. Ты думаешь
на своем языке, а разговариваешь на их* [Duffy, 2003, p. 178].

Это приглашение одновременно посмотреть и на собственную страну и на самого себя несколько другим взглядом, под другим углом зрения; совершенно по Э. Левинасу: «...постижение Другого есть герменевтика, экзегеза», то есть познание самого себя [Левинас, 2004, с. 734]. Родная для читателя страна предстает «странной» и «тёмной», наполненной холодным и равнодушным эхом; этот эффект усиливает анжамбеман, используемый здесь автором.

Лирическое напряжение стихотворения концентрируется во второй строфе, сюжетно контрастирующей с начальной: в ней К. Э. Даффи «внедряет» читателя во внутренний мир иммигранта, пишущего письмо на родину и прослезившегося от тоски и воспоминаний о матери, её колыбельной и о ласкающим ухо и душу родном языке:

*А потом ты пишешь домой. Голос в твоей голове
пересказывает письмо на местном диалекте; за ним
слышится голос матери, поющей тебе
уже так много лет назад, и ты не можешь понять,
отчего твои глаза увлажняются и как это называется на здешнем языке*
[Duffy, 2003, p. 178].

Акцентом на том, что лирический герой не знает самых интимных и нежных слов на языке страны, в которую он приехал уже двадцать лет назад, К. Э. Даффи увеличивает пропасть между ним и жителями страны, которой он нужен в большей степени как рабочая сила (см.: первую строку третьей строфы стихотворения), а ему не только чужда, но и не интересна. Более того, в третьей строфе эта пропасть становится зловещей и враждебной: лирический герой видит на стене дома, где он обитает, «своё имя, написанное струей из баллончика с красной краской. / Ненавистное имя. Красное, как кровь» [Duffy, 2003, p. 178–179].

Принимающая страна наглядно и экстремистски демонстрирует, насколько он чужой и нежеланный в ней. Ещё больше «чужесть» лирического героя для страны обитания подчёркивается в последних двух строках этой строфы. Здесь обыгрываются образ снега, а также холодный (и мертвячий) свет неоновых ламп на улице, отражающийся во множестве снежинок и слепящий глаза; более того, этот чужой мир, снежный и холодный, «распадается на кусочки в твоих глазах» [Duffy, 2003, p. 179].

«Чужесть» лирического героя принял её стране (и наоборот) получает дополнительную краску в блестяще выстроенной К. Э. Даффи последней строфе, в которой она рисует сцену в магазине экзотических товаров и продуктов, где иммигрант время от времени покупает фрукты его страны. Герой стихотворения так волнуется от «встречи» с частицей своей родины, что забывает даже название этих фруктов по-английски, становясь ещё больше *«inarticulate»*, то есть *«косноязычным»*, а то и *«немым»*.

Представляется, что именно это второе значение слова имела в виду поэтесса, поскольку в следующей строке К. Э. Даффи дает своеобразное объяснение этой «немоте: «because this is not home» [Duffy, 2003, p. 179]. И вся жизнь в этой чужой стране представляется лирическому герою сном: «It like they only go to bed and dream» [Duffy, 2003, p. 179], – объясняет он продавцу странную растерянность его соплеменников (а по сути свою собственную), которые так же от волнения теряют английские слова в этом магазине.

В этой строфе поэтесса, как это часто бывает в её стихах [см.: Anderson, 2005] и как должно быть в лирико-драматическом монологе [см.: Клименко, 1967], обращается к стилизации под прямую речь лирического героя, тем самым увеличивая эмоциональный эффект от всего стихотворения, погружая читателя в сознание героя, делая его внутренний мир и систему ценностей максимально близкими, тем самым обостряя левинасовскую идею «Перед лицом Другого Я бесконечно ответственно» [Левинас, 2004, с. 165] «зацикливающим» всё произведение, как уже отмечалось, обращением к читателю в самом конце стихотворения: «Imagine that» [Duffy, 2003, p. 179].

Заключение

Итак, как мы видим, К. Э. Даффи своеобразно размышляет над остройшими вопросами жизни Британии тех, 1990-х гг., не утратившими значимости и даже ещё больше обострившимися в начале XXI в., особенно накануне и после Референдума о выходе из ЕС и мирового иммиграционного кризиса. Это проблемы иммиграции, идентичности, прокламируемой толерантности и её реального «лица» (как обратной стороны мультикультурализма).

Это небольшое, всего в двадцать строк стихотворение, построенное по принципу драматического лирического монолога, написанное белым стихом с большим количеством анжамбемана всех трех типов («сброс» – конец предложения захватывает начало следующего стиха; «наброс» – начало предложения захватывает конец предыдущего стиха; и «двойной бросок» – фраза начинается посреди стиха и кончается посреди следующего). Использование анжамбемана с его полными остановками посреди строки существенно «эпизириует» лирически воспроизведимое и одновременно придаёт психологический драматизм лирическому монологу.

В стихотворении, традиционно для К. Э. Даффи, используется простой, не отягощенный лишними метафорами разговорный язык и смены речевых регистров, когда воспроизводится прямая речь лирического героя, стилизованная под иностранный акцент. Всё это создаёт эффект внутренней лиричности, эмоционально сильно заостряет вопрос о чужести иммигранта стране его пребывания, о его равнодушной эксплуатации (реколонизации) этой страной, об её полной незаинтересованности в нём, а его – в ней.

Надежду на возможное преодоление этой пропасти, по сути являющейся ничем иным, как реинкарнацией уже печально известной иерархии между колонизатором и колонизируемым, К. Э. Даффи связывает со взаимным стремлением к пониманию друг друга. При этом большую ответственность она возлагает на читателя – резидента принимающей страны.

Список литературы

1. Громыко Ал. А. Великобритания: после захода солнца // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3. № 6. Ноябрь – декабрь. С. 10–23.
2. Караваева Д. Н. Идентичность, иммиграция и мультикультурализм в современной Великобритании (государственная политика и общественные дебаты) // Вестник РГНФ. 2013. № 4 (73). С. 39–51.
3. Караваева Д. Н. Britishness vs мультикультурализм в современной Великобритании // Вопросы всеобщей истории. 2017. № 19. С. 97–109.

4. Клименко Е. И. Лирические монологи // Клименко Е. И. Творчество Роберта Браунинга. Ленинград: Ленинградский университет, 1967. С. 39–60.
5. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / Пер. с франц. А. В. Парибка. С. Петербург: Высшая религ.-философ. школа, 1998. 265 с.
6. Левинас Э. Гуманизм другого человека // Левинас Э. Избранное: трудная свобода / Пер. с франц. Г. В. Вдовиной. Москва: РОССПЭИ, 2004. С. 591–662.
7. Харитонова Е. М. Динамика национальных и этнических идентичностей в современной Британии // Политическая наука. 2016. № 1. С. 224–235.
8. Хахалкина Е. В. Иммиграционная проблема в Великобритании после референдума о брекзите – что изменилось? // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 163–170.
9. Anderson H. Christmas Carol // The Observer. 2005. December, 4.
10. Carol Ann Duffy // An Anthology of Contemporary English Poetry / Compiled and edited with Introductions by Karen Hewitt and Vladimir Ganin. Oxford: Perspective publications, 2003. P. 172–187.
11. Bentley N. Postcolonialism, Multiculturalism and National Identity // Bentley N. Contemporary British Fiction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008. P. 16–20.
12. Deer P. British Cosopolitanism after 1980 // The Cambridge Companion to British Fiction: 1980 – 2018 / Edited by Peter Boxall. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 251–272.
13. Harding J. Migrants and Migrant Writers in English Literature // Footpath. A Journal of Contemporary British Literature in Russian Universities. 2015. № 9 (4). P. 12 – 30.
14. Hewitt K. Introduction // An Anthology of Contemporary English Poetry / Compiled and edited with Introductions by Karen Hewitt and Vladimir Ganin. Oxford: Perspective publications, 2003. P. X–XXXII.
15. May W. Immigrants and Exiles // May W. Postwar Literature, 1950 to 1990. London: York Press, 2010. P. 194–225.
16. Mendelson Ch. The Gospel Truth // The Observer. 2002. October, 13.

Proskurnin B. M.

*Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Department of World Literature and Culture,
Perm State University,
Perm, Russian Federation*

**IMMIGRATION OR RECOLONIZATION?
ON A POEM OF CAROL ANN DUFFY**

*In the essay, a poem of the outstanding English poet of our times, Carol Ann Duffy, is under analysis in the context of urgent immigration issues in Great Britain, its colonial past and its post-colonial present. The works and ideas of the famous ethic thinker, Emmanuel Levinas, are addressed to while analyzing Duffy's poem *Foreign*. The poem is looked at also in the context of actuality of immigration issues for the British literature of the 1990s – 2010s on the whole. It is shown in the essay how much distinctive Duffy is in her discourse on the issues of immigration, national identity, proclaimed and official tolerance and its real 'face' as a reversed side of the politics of multiculturalism and recolonization and ghettoization of immigrants. It is demonstrated that the poem of four stanzas is constructed as a dramatic monologue, following the genre experience of Thomas Browning; it is written as a blank verse with a variety of enjambment, full stops, line breaks, which enforce psychological drama of the poem. The author of the essay shows how masterly Duffy uses colloquial language, shifts of speech registers and broken English of an immigrant. It is demonstrated in the essay how some additional lyricism emerges due to replacing of lyrical object by lyrical entity, when the poet suggests a reader should become an immigrant for a while to understand what it means to be this person in Britain. This trick sharpens the issue of strangeness and alienation of an immigrant, host country's indifference and even hostility to his life, and immigrants' unwillingness to enter the culture of the host country. It is stressed that Duffy sees the possibility to start overcoming this precipices, which she sees as the incarnation of the notorious hierarchy between colonizers and colonized, by mutual wishes to understand each other. The greater responsibility the poet imposes on a reader, a resident of the host country.*

Keywords: immigration, contemporary British literature, English poetry, Carol Ann Duffy, Emmanuel Levinas, dramatic lyrical monologue.

ПАРЕМИОЛОГИЯ

УДК 398.91

Меньшакова Надежда Николаевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел.: +7(342)2396283, e-mail: mnesperanza@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА НАРОДОВ ИСПАНИИ В ИСПАНСКИХ ПАРЕМИЯХ

Паремии – это один из способов фиксации и распространения этнокультурных стереотипов, они отражают типическое и специфическое в образе того или иного народа. Если паремии принадлежат народу, который характеризуют, они отображают достоинства этого народа, однако если паремии описывают чуждый народ, то они содержат субъективно-отрицательную оценку, поскольку все чужое, как правило, воспринимается как враждебное и плохое. Применительно к населению Испании используется «областническая» классификация жителей, то есть разделение по территориальному, а не этническому принципу. Это находит отражение в паремиях, которые характеризуют жителей основных и самых значимых регионов страны. Соседей по стране испанцы наделяют в паремиях преимущественно отрицательными чертами, то есть они дистанцируются от них. В статье проанализированы испанские паремии, содержащие образы народов, населяющих Испанию. Паремиографический, лексикографический и культурологический виды анализа позволили выявить типические и специфические черты, приписываемые испанцами жителям соседних регионов своей страны. Проанализированные паремии демонстрируют отсутствие толерантности к соседям, несмотря на то, что народ каждого из регионов в целом относит себя к испанской нации.

Ключевые слова: паремии, Испания, испанский язык, толерантность, лингвокультурология.

Введение

В последние годы привлекает внимание усиливающаяся в Испании так называемая «национальная проблема», выражаясь в желании Каталонии отделиться от государства и приобрести полную независимость. Политический конфликт поддерживает население Каталонии, которое выражает желание к самоидентификации, обособлению в рамках собственной культуры, языка, этноса. Испания является полиглоссической страной, взаимоотношение народов, населяющих ее, имеет длинные исторические корни; их можно охарактеризовать как достаточно сложные. Политическое устройство современной Испании определяется как государство автономий [Кабицкий, Рудник, 2019, с. 15].

Популярное и широко известное представление о делении жителей Испании на четыре основные этнические группы (кастильцев, каталонцев, галисийцев и басков), в настоящее время не отображает реальную действительность. После окончания периода франкистской диктатуры в 1975 г. жители страны получили возможность самоопределиться и отнести себя к определенной этнотERRиториальной группе, однако, вместо деления на 3 автономии (по количеству «национальных меньшинств») или 4 (по числу «народов-этносов»), в Испании выделяется 17 автономий, по числу основных территориальных регионов [Кожановский, 2002, с. 79–80].

Жители Испании ощущают свою национальную принадлежность по разнообразным и неоднородным признакам, к которым, наряду с языком и местом рождения, относятся конкретная территория происхождения (комарка или даже город), внешний вид, климат, культура, фольклор и т. д. В диссертационном исследовании по этнологии А. Н. Кожановский отстаивает точку зрения на то, что применительно к населению Испании необходимо говорить не о национальной (этнической), а об «областнической» парадигме [Кожановский, 2012, с. 11], даже классики испанской этнографии, испанцы по происхождению «воспринимают в качестве “основных коллективных объектов” почти исключительно региональные сообщества», не упоминая термина «этнос» [Там же, с. 16].

В связи с вышесказанным привлекает внимание языковой аспект самоидентификации граждан Испании. Как отмечает А. Н. Кожановский, даже меняя место жительства в стране, испанцы ощущают себя представителями того или иного региона, говорят, «я – арагонец», «я – андалусиец», «я – галисиец» и т. д., они четко отграничивают себя от жителей других регионов, выделяя особые региональные черты поведения, характера, внешнего вида.

Изучение вербальных способов презентации региональных (в других терминах – этнических) групп представителями одной и той же испанской нации представляется

актуальным, поскольку отображает уровень лингвистической толерантности представителей разных групп друг к другу.

Целью данной работы является анализ испанских паремий, в которых выражается отношение испанцев к жителям следующих регионов: Андалусия, Арагон, Астурия, Галисия, Кастилия, Каталония, Мадрид, Мурсия, Наварра, Риоха, Сантандер, Страна Басков, Эстремадура и выявление в них типических и специфических черт народа.

В качестве методов исследования используются паремиографический, лексикографический, культурологический виды анализа. Материалом послужили географический словарь пословиц Г. М. Вергара Мартин, словарь испанских пословиц Х. М. Сбарби и Осуня, а также электронные ресурсы пословиц и других паремий: Refranes, Refranero Castellano, Buscapalabra, а также словарь Испанской королевской академии.

Основная часть

Региональная самоидентификация достаточно ярко репрезентирована в паремиях. Изучением отражения этнических стереотипов в паремиях занимается американская школа паремиологии, в частности, В. Мидер, А. Дандес, Ш. Л. Арора и др. Выдающийся американский паремиолог В. Мидер отмечает, что в паремиях люди выражают отношение и оценку других наций. Это отношение носит, зачастую, негативный оттенок [Mieder, 2000]. Так, например, американская пословица “*The only good Indian is a dead Indian*”, отображает отношение американцев периода колонизации к коренным жителям континента [Mieder, 1993].

А. Дандес обращает внимание на то, что пословица или шутка, сказанная представителем одного народа в отношении другого, вносит значительный разлад в отношения между этими народами [Dundes, 1975, р. 15]. Ш. Л. Арора считает, что паремии являются не просто пассивным отражением оценочного мнения о каких-либо этнических группах, они играют активную роль в создании или распространении этого мнения [Arora, 2003]. Поэтому можно заключить, что в паремиях, которые репрезентируют отношение одного народа к другому, и являются плодом «народной мудрости», как правило, отсутствует толерантность. Так, испанские паремии, в которых отражается отношение жителей одних регионов к жителям других регионов, зачастую относятся к оскорблению и выражениям неприязни [Esteban, 2003].

Рассмотрим паремии (пословицы, афоризмы, популярные куплеты, лозунги, боевые кличи), в которых отображается образ территориально специфичных групп людей, проживающих в Испании.

Жители Андалусии

Следующие паремии, в которых дается рекомендация ограничивать себя от жителей Андалусии и других регионов, совершая жест «крестного знамени» являются своеобразной инструкцией поведения:

Al andaluz, hazle la cruz, y si es de Utrera, desde fuera (DGP). – «Перекрестись, видя андалузца, а если он из Утреры – перекрестись издалека» (перевод наш – Н.М.). Солдаты из Андалусии, а особенно из города Утрера, прославились своей свирепостью [Sbarbi y Osuna, эл. ресурс].

Al andaluz, hazle la cruz; si es sevillano, con la una y la otra mano; si es cordobés, hasta con los pies (DGP). – «Перекрестись, видя андалузца; видя жителя Севильи перекрестись локтем; видя жителя Кордобы – пяткой» (перевод наш – Н.М.). Здесь дается совет не заводить знакомства и дружбы с перечисленными представителями этноса [Sbarbi i Osuna, эл. ресурс], однако также становится очевидным ранжирование представителей названных групп, среди которых жители Андалусии оказываются более «приемлемыми», чем жители Севильи и Кордобы, поскольку при встрече с последними крестного знамени, совершающегося перстной частью руки оказывается недостаточно.

Похожий смысл имеют и еще несколько паремий:

Al andaluz, hazle la cruz; al sevillano, con toda la mano; al cordobés, con el envés (RC). – «Перекрестись, видя андалузца; видя жителя Севильи перекрестись локтем; видя жителя Кордобы – перекрестись через спину» (перевод наш – Н.М.).

Al andaluz, muestrale la cruz; al extremeño, el leño (DGP). – «Андалузцу покажи крест, жителю Эстремадуры – дубину» (перевод наш – Н.М.). В Популярном географическом словаре куплетов, пословиц, поговорок, присказок, провербальных выражений и высказываний, составленном в 1923 г. Г. М. Вергара Мартином, отмечается, что в данной паремии рекомендуется соблюдать осторожность в общении с данными группами людей, быть готовым к необходимости защищаться [Diccionario geográfico popular..., 1923, p. 15].

В следующей паремии содержится намек, что жители Андалусии являются ворами, и, как подчеркивает Г. М. Вергара Мартин, делается это неоправданно (injustificadamente) [Там же]:

Del andaluz guarda tu capuz (DGP). – «От андалусийца береги капюшон, утащит» (перевод наш – Н.М.).

Andaluz con dinero y gallego con mando, ya estoy temblando (RC). – «Житель Андалусии с деньгами, а галисиец со властью – кошмар наяву» (перевод наш – Н.М.). Эта паремия приводится в книге Хоце Эстебана “¡Judas! ... ¡Hi... de puta! Insultos y animadversión entre

“Españoles” в разделе «Антология пословиц и поговорок против городов и народов Испании», как одна из распространенных в наши дни [Esteban, 2003, p. 159], в ней подчеркивается скептическое отношение к способности андалузцев и галисийцев испугать кого-бы то ни было своими деньгами и властью.

На отсутствие способностей к пению и особенности произношения жителей Андалусии указывает следующая паремия:

Cuando el andaluz canta, una pena tiene en la garganta (RC). – «Когда поет андалусиец, это мучение для его горла» (перевод наш – Н.М.).

Жители Арагона представлены в испанских паремиях следующим образом.

A fuer de Aragón, a buen servicio, mal galardón (DGP). – «Арагонцы за хорошую работу не платят» (перевод наш – Н.М.). Выявляется жадность арагонцев.

Aragonés, ¡ay de la casa que está un mes!, y si está un año, ése con daño (DGP). – «Арагонец пирует целый месяц, а если пирует целый год, то потом болеет» (перевод наш – Н.М.). Здесь содержится намек на прожорливость арагонцев.

El aragonés fino después de comer tiene frío (R). – «Нормальный житель Арагона после еды мерзнет» (перевод наш – Н.М.), тот же смысл, что и в предыдущей паремии.

Aragonés, falso y cortés (DGP). – «Арагонец лживый и учтивый» (перевод наш – Н.М.). Выражается негативное отношение к жителям Арагона.

Aragonés, por excusar deja de gastar (DGP). – «Арагонец чтобы сэкономить перестает тратить» (перевод наш – Н.М.). Арагонцы скучны.

Aragonés, vuelve la puerta como la ves (DGP). – «Арагонец, закрой дверь с той стороны» (перевод наш – Н.М.). Достаточно грубое выражение, показывающее отрицательное отношение к арагонцам, нежелание их видеть и принимать как визитеров.

Aragonés tozudo, mete el clavo en la peña, y dale para que entre, en la punta con su cabeza (DGP). – «Меднолобый арагонец может своей головой вбить гвоздь в камень» (перевод наш – Н.М.). Данная паремия с одной стороны, говорит о силе, в том числе, о силе характера, арагонцев, с другой стороны – об их упрямстве. Похожие смыслы заключены и в паремиях, представленных ниже.

Los aragoneses clavan los clavos con la cabeza (DGP). – «Арагонцы забивают гвозди головой» (перевод наш – Н.М.). Здесь речь идет исключительно о силе характера жителей Арагона.

Aragoneses y navarros, en cuanto a tercos, primos hermanos (DGP). – «Жители Арагона и Наварры – братья по упрямству» (перевод наш – Н.М.).

Aragoneses, navarros y riojanos, en lo bruto son primos hermanos (DGP). – «Жители Арагона, Наварры и Риохи – по своей сути братья» (перевод наш – Н.М.). Речь идет о внешнем сходстве народов и о похожести характеров.

Cuando mea un aragonés, mean dos o tres (RC). – «Арагонцы по одному не мочатся» (перевод наш – Н.М.). Выражается идея о том, что если арагонцы захотят доставить неприятности окружающим, то будут делать это умело.

De Aragón, ni buen viento (vino), ni buen varón (DGP). – «Из Арагона ни хорошего ветра (вины), ни стоящего мужчины» (перевод наш – Н.М.). Эта фраза традиционно использовалась жителями Кастилии, смысл ее состоял в том, что ветра, дующие из Арагона, не нравились жителям соседних регионов, а раз ветер в Арагоне критиковался, значит и все остальное в нем тоже считалось плохим [Diccionario geográfico popular..., 1923, p. 19].

El viento y el varón no es bueno de Aragón (DGP). – «Ветер и мужчины в Арагоне никудышные» (перевод наш – Н.М.).

De Aragón, ni hembra, ni varón (DGP). – «В Арагоне ни стоящей женщины, ни стоящего мужчины» (перевод наш – Н.М.). В данной паремии исчезло слово «ветер», которое дало ей начало.

Жители Астурии

Asuriano ni mulo, ninguno (DGP). – «Астурийцы лживые, и мулы не настоящие» (перевод наш – Н.М.). Говорится о ненадежном, двуличном характере астурийцев.

Asturiano es loco y vano, poco fiel y mal cristiano (DGP). – «Жители Астурии дикие и тщеславные, ненадежные и безбожники» (перевод наш – Н.М.). Астурийцы имеют славу очень эмоциональных людей, которые иногда вызывают смех окружающих своим тщеславием [Diccionario geográfico popular..., 1923, p. 20].

Gallegos y asturianos, primos hermanos (DGP). – «Галисийцы и астурийцы – двоюродные братья» (перевод наш – Н.М.). Подразумевается, что эти два народа похожи как внешне, так и по характеру [Diccionario geográfico popular..., 1923, p. 27].

Hombre asturiano, vino puro, y lanza en la mano (DGP). – «Астурийцы любят вино и войну» (перевод наш – Н.М.). Эта паремия используется по отношению не только к жителям Астурии, но и других прибрежных провинций региона, где любят вино, где царит прохлада, а люди воинственны [Diccionario geográfico popular..., 1923, p. 20].

La mujer como la manzana, asturiana (RC). – «Астурийская женщина, как яблочко» (перевод наш – Н.М.).

La mujer y la manzana deben de ser asturianas (RC). – «Женщины и яблоки должны быть из Астурии» (перевод наш – Н.М.).

Los enemigos del alma son tres: gallego, asturiano y montañés (RC). – «Три злейших врага: галисиец, астуриец и горец» (перевод наш – Н.М.).

Жители Галисии

A falta de hechiceros, lo quieren ser los gallegos (DGP). – букв.: «За неимением волшебников, ими хотят быть галисийцы» (перевод наш – Н.М.). Пословица говорит о том, что галисийцы не слишком сметливы [Diccionario geográfico popular..., 1923, p. 27].

Antes moro / puto que gallego (DGP). – «Уж лучше мавр / жигало, чем галисиец» (перевод наш – Н.М.).

Como soy gallego, ni pago ni niego (RC). – «Галисиец не платит и ни от чего не отказывается» (перевод наш – Н.М.). Галисийцы бережливы, не любят тратить деньги и переплачивать.

Prenda de gallego vale dinero (DGP). – «Одежда галисийца стоит денег» (перевод наш – Н.М.). Пословица передает идею о том, что даже одежда может стать залогом при одолживании денег.

Todos somos gallegos y no nos entendemos (DGP). – «Все мы галисийцы, и друг друга не понимаем» (перевод наш – Н.М.). Речь идет о том, что зачастую жители региона имеют внутренние разногласия, не умеют договориться между собой.

Gallegos y asturianos, primos hermanos. – «Галисийцы и астурийцы – двоюродные братья» (см. выше).

Mete en tu pajar al gallego, y hacérsete ha heredero (RC). – «Пусти в свой сарай галисийца, и он сделается твоим наследником» (перевод наш – Н.М.). Подчеркиваются такие качества народа, как ловкость, хозяйственность, умение извлечь выгоду.

Moza gallega, nalgas y tetas (DGP). – «Галисийская девушка: попа и грудь» Выражается представление о типичной галисийской женщине, обладающей выраженными формами.

Ni perro negro, ni mozo gallego (DGP). – «В службе не годится ни черный пес, ни галисийский слуга» Подразумевается, что галисийцы ненадежны и не обладают преданностью.

No fies en perro que cojea, ni en amor de gallega (DGP). – «Не верь хромающему псу и любви галисийской девушки» (перевод наш – Н.М.). Девушки в Галисии красивы, но верить им нельзя.

Quien entra en Galicia casado sale (RC). – «Кто приходит в Галисию, уезжает женатым» (*перевод наш – Н.М.*). Речь также идет о красоте галисийских женщин.

Жители Кастилии

¡Caray con los Castellanos, que al frío le llaman fresco! (RC) – «Что за кастильцы! Холод зовут прохладой» (*перевод наш – Н.М.*). Фраза используется преимущественно жителями Андалусии, которым не нравится климат центральной части Испании. В выражении отображается возмущение инаковыми людьми, а не погодой Кастилии.

Castellano fino, el pan pan, y el vino vino (DGP). – «Настоящий кастилец зовет вещи своими именами» (*перевод наш – Н.М.*). Имеется в виду, что жители Кастилии честны, им можно доверять.

De Castilla el trigo, pero no el amigo (DGP). – «В Кастилии найдешь пшеницу, но не друга (*перевод наш – Н.М.*). Дружелюбие и открытость не присущи жителям Кастилии.

En Castilla, el caballo lleva silla (DGP). – «В Кастилии кони запряжены в седла» (*перевод наш – Н.М.*). Эта пословица говорит о том, что сыновья в Кастилии наследуют благородство от своих отцов, даже если их мать простолюдинка [Diccionario geográfico popular..., 1923, р. 23], то есть подразумевается, что жители Мадрида благородного происхождения.

Frailes de Castilla y monjas de Andalucía (DGP). – «Истинные монахи Кастилии и монахини Андалусии» (*перевод наш – Н.М.*). Так говорят, когда имеют в виду людей, которые неукоснительно следуют своим принципам и правилам [Diccionario geográfico popular..., 1923, р. 23].

Gente castellana, gente sana (RC). – «Жители Кастилии благоразумны» (*перевод наш – Н.М.*)

Los castellanos tienen más lengua que manos (R). – «Кастильцы больше говорят, чем делают» (*перевод наш – Н.М.*).

Gente de Castilla, por preguntar y tentar (DGP). – «Любопытные кастильцы» (*перевод наш – Н.М.*). Жители Кастилии известны своим любопытством и любовью совать нос не в свое дело [Diccionario geográfico popular..., 1923, р. 24].

Жители Каталонии

Al catalán, no le hagas mal porque es un pecado, ni bien, porque es mal empleado (DGP). – «Не делай каталонцу зла, ибо это грех; не делай ему добра, ибо добра не получишь» (*перевод*

наш – H.M.). Жители Каталонии считаются неблагодарными [Diccionario geográfico popular..., 1923, p. 26]

Bien come el catalán, si se lo dan (RC). – «Каталонцы хорошо едят, если не жалко» (*перевод наш – H.M.*). Фраза обозначает, что каталонцы очень экономные и сдержаные в трапезах.

Convite de catalanes, una vez en vida y otra en muerte (DGP). – «Каталонцы угощают дважды: в честь рождения и на поминки» (*перевод наш – H.M.*). Также говорится об экономности каталонцев, которые очень редко делают подарки.

Dicen que los catalanes de las piedras sacan panes (RC). – «Каталонцы из камня могут испечь хлеб» (*перевод наш – H.M.*). Имеется в виду трудолюбие жителей Каталонии.

El catalán, de piedras hace pan (RC). – «Каталонцы пекут хлеб из камней» (*перевод наш – H.M.*). Умение производить материальные блага из ничего.

El catalán, bueno para coger y malo para soltar (RC). – «Каталонцы хорошо ловят, но плохо бросают» (*перевод наш – H.M.*). Речь идет об экономности.

Tetas, culo y pezuña, Cataluña (RC). – «Грудь, попа и ноги – вот это Каталония» (*перевод наш – H.M.*). Женщины Каталонии славятся своими формами, поэтому люди ассоциируют Каталонию с красивыми женщинами.

Жители Мадрида

A quien Dios quiso bien, en Madrid le dio de comer (RC). – «Кого Бог полюбил, того в Мадриде накормил» (*перевод наш – H.M.*). В Мадриде живут благословленные Богом люди; тем, кто живет в Мадриде, очень повезло.

A Sevilla me he de ir a buscar un sevillano, que los mozos de Madrid mucha paja y poco grano (RC). – «Хорошего слугу нужно искать в Севилье, в Мадриде слуги напыщены и бесполковы» (*перевод наш – H.M.*). Имеется в виду, что столичная жизнь развращает людей.

En Madrid como en Sevilla, quien pilla, pilla (RC). – «В Мадриде, как и в Севильи, соображает тот, кто умен» (*перевод наш – H.M.*). Мадрид не делает человека исключительным.

En Madrid, con ser Madrid, si un noble corta un dedo echa la sangre encarnada como cualquier gallego (RC). – «Даже в Мадриде, если человек голубых кровей поранил палец, то кровь у него течет красная, как у любого галисийца» (*перевод наш – H.M.*). В этой фразе привлекается внимание к тому, что жители Мадрида могут считаться исключительными, поскольку живут в столице.

En Madrid, con ser Madrid, venden huevos y patatas; pero no he visto vender narices para las chatas (RC). – «Даже в Мадриде торгуют яйцами и картошкой, но и там не продают длинные носы» (перевод наш – Н.М.). Отрицание исключительности столицы.

En Madrid, con ser Madrid y su población tan grande, sale el sol por la mañana y se pone por la tarde (RC). – «Даже в Мадриде, где живет так много народа, солнце встает на рассвете и садится на закате» (перевод наш – Н.М.). Означает то же, что и предыдущие паремии.

Hijos de Madrid, uno bueno entre mil (RC). – «Хороший человек в Мадриде – один на тысячу» (перевод наш – Н.М.).

Los jardines, de Valencia; la nobleza, de Madrid; trigo de Valladolid; y de los sabios, la ciencia (RC). – «Сады Валенсии, аристократы Мадрида, зерно Вальядолида, а наука – мудрых» (перевод наш – Н.М.). Среди жителей Мадрида много людей благородного, аристократического происхождения.

Жители Мурсии

De una puta y un gitano, nació el primer murciano (RC). – «Первый житель Мурсии родился от шлюхи и цыгана» (перевод наш – Н.М.). Общее отношение испанцев к цыганам – однозначно отрицательное, если прибавить к нему негативную окраску, которую несет слово *puta*, то становится понятно, насколько отрицательное отношение к жителям Мурсии выражено в данной пословице.

Жители Наварры

Aragoneses y navarros, en cuanto a tercos, primos hermanos / Aragoneses, navarros y riojanos, en lo bruto son primos hermanos (перевод см. выше). В этих пословицах подчеркивается схожесть называемых народов, в том числе такая черта характера, как упрямство.

Con un “piazo” de pan y un trago, una guitarra y un “rial” pasa un navarro la vida lo mismo que un cardenal (RC). – «Наваррец живет, как принц, имея кусок хлеба, глоток хорошей выпивки, гитару и монеты в кармане» (перевод наш – Н.М.). Пословица о непримятательности жителя Наварры, о его простых потребностях в жизни.

De Navarra salió, de Navarra saldrá; el coraje y la gente que amenaza y que da (DGP). – «Из Наварры пришла храбрость, и из Наварры выйдут люди, которые грозят и карают» (перевод наш – Н.М.). Данная паремия произошла от популярного куплета, который часто перепевается с заменой названия Наварры на другое имя, и прославляет жителей региона.

De Navarra, ni mujer, ni tronada (RC). – «В Наварре ни достойной грозы, ни женщины» (*перевод наш – Н.М.*). Уничтожительно передан образ наваррской женщины, не обладающей, по некоторым представлениям, никакими достоинствами.

Dios te guarde de moza navarra, de viuda aragonesa, de monja catalana y de casada valenciana (DGP). – «Господь, храни от наваррской девы, от арагонской вдовы и от каталонской монахини» (*перевод наш – Н.М.*).

Doncella, navarra; monja, catalana; casada, valenciana; viuda, aragonesa (DGP). – «Лучшие девы – в Наварре, монахини – в Каталонии, жены – в Валенсии, вдовы – в Арагоне» (*перевод наш – Н.М.*). Утверждается добродорядочность и красота девушек Наварры, в противоположность предыдущей паремии, где она, наоборот, отрицается.

El navarro en robustez, a nadie cede la vez (RC). – «В силе наваррец ни разу никому не уступит» (*перевод наш – Н.М.*). Отмечается физическая сила народа.

Navarra siempre adelante (DGP). – «Наварра – всегда впереди» (*перевод наш – Н.М.*). Лозунг и боевой клич, прославляющий Наварру.

Navarrico, navarrico, so seas tan fanfarrón, que las blancas de Navarra no pasan en Aragón (DGP). – «Наваррец, не бахвальствуй, в Арагоне твои деньги не в ходу» (*перевод наш – Н.М.*). В данной паремии, произошедшей от куплета популярной песни, раскрывается конфликт между Наваррой и Арагоном, который существовал во времена их независимости. Выражается антипатия по отношению к жителям Наварры.

Sucio estáis, navarro. – No es sino barro (DGP). – «Ты грязный, наваррец». – «Да нет, это просто грязь» (*перевод наш – Н.М.*). В паремии подвергается осмеиванию склонность некоторых наваррцев отвечать отрицательно на очевидные утверждения, а затем подтверждать слова собеседника.

Navarro, ni de barro / Navarro, ni de barro, ni pegado a la pared. – «Грязный наваррец» (RC) (*перевод наш – Н.М.*). Оскорблениe жителя Наварры, используемое жителями других регионов, используется широко благодаряозвучию компонентов.

Жители Риохи

Aragoneses, navarros y riojanos, en lo bruto son primos hermanos (DGP). – «Жители Арагона, Наварры и Риохи – по своей сути братья» (*перевод наш – Н.М.*). См. выше.

Si Castilla fuera vaca, La Rioja fuera la riñonada (RC). – «Если бы Кастилья была мясной коровой, то Риоха – жарким из ее почек» (*перевод наш – Н.М.*). Избранность Риохи, которая занимает особенное, почетное место в составе Испании.

Жители Сантандер

Al montañés ni le fies ni le des (DGP). – «Горцу не верь и ничего не давай» (*перевод наш – H.M.*). О неблагонадежности жителей Сантандера.

Con gente de montaña, no basta maña (RC). – «Горцам изворотливиости не занимать» (*перевод наш – H.M.*).

El montañés y el gorrión, los más tunos de la nación (RC). – «Горец и воробей – национальные бездельники» (*перевод наш – H.M.*). Подчеркивается хитрость и склонность к лени жителей Сантандера.

El montañés, por defender una necesidad dice tres (DGP). – «Горец вместо одной нужды говорит о трех» (*перевод наш – H.M.*). Даётся намек на глупость жителей Сантандера.

Gente de montaña, al mismo diablo engaña (RC). – «Жители Сантандера обманут самого дьявола» (*перевод наш – H.M.*). В отличие от предыдущей паремии утверждается сметливость и хитрость горцев.

Gente de montaña, gente con maña (RC). – «Горцы – народ изворотливый» (*перевод наш – H.M.*).

Жители Страны Басков

Nariz larga y poco culo, vasco seguro (RC). – «Баска узнаешь по длинному носу и отсутствию зада» (*перевод наш – H.M.*). Неуважительное, негативное отношение к жителям страны Басков выражается через внешнее описание, изображение басков как непривлекательных людей.

Жители Эстремадуры

Al andaluz, muestrale la cruz; al extremeño, el leño (DGP). – «Андалузцу покажи крест, жителю Эстремадуры – дубину» (*перевод наш – H.M.*). См. выше.

De Extremadura el aceite, pero no la gente (RC). – «В Эстремадуре хорошее масло, но не люди» (*перевод наш – H.M.*).

Extremo, cerrado de barba y de mollera (RC). – «В Эстремадуре люди бородатые и твердолобые» (*перевод наш – H.M.*). Подчеркивается упрямство и инаковость.

Fariseo y extremeño es lo “mesmo” (RC). – «Жители Эстремадуры что фарисеи» (*перевод наш – H.M.*). Жителям Эстремадуры нельзя доверять, они лживы, как фарисеи.

Los de Extremadura, barrigo lleno y mala catadura (RC). – «У жителей Эстремадуры брюхо полно, а выражение лица кислое» (*перевод наш – H.M.*). О недружелюбном внешнем виде народа.

Sea exremeño, y más que sea leño (DGP). – «В Эстремадуре даже дрова высшего качества» (перевод наш – H.M.). Все, что относится к Эстремадуре, будь то люди, климат, почва, и даже дрова, все считается высокого качества. Так считают сами жители Эстремадуры.

Все рассмотренные паремии выявляют основные признаки, по которым оцениваются представители тех или иных регионов Испании: неблагонадежность, лживость, склонность к воровству, недружелюбие, физическая привлекательность, физическая непривлекательность, лень, трудолюбие, умение извлекать выгоду, физическая сила, сила характера, упрямство, жадность, прожорливость, непрятательность, исключительность (или отсутствие таковой). Такие признаки, как красота, прожорливость, умение извлекать выгоду, являются специфическими для представителей конкретных регионов, в то время как лживость, недружелюбие, неблагонадежность и другие являются типичными и достаточно субъективно могут приписываться любому из народов.

Заключение

В работе были рассмотрены паремии, репрезентирующие жителей тринадцати регионов Испании, в том числе жителей столицы Королевства Испании – Мадрида. В данных паремиях можно четко выделить две группы: паремии, воспевающие представителей региона (*Gente castellana, gente sana*), и паремии, унижающие их за счет преувеличений и разного рода оскорблений (*De una puta y un gitano, nació el primer murciano*). Последняя группа более значительная по объему.

Некоторые паремии, описывающие представителей разных регионов, имеют варианты (*La mujer como la manzana, asturiana / La mujer y la manzana deben de ser asturianas*), или противоречат друг другу, например «*El montañés, por defender una necesidad dice tres*» / «*Gente de montaña, al mismo diablo engaña*». Имеются паремии, в которых могут заменяться топонимы, благодаря чему эти паремии могут использовать представители разных регионов (*De Navarra salió, de Navarra saldrá; el corraje y la gente que amenaza y que da*). Физическая привлекательность народа отражается в паремиях о женщинах (*Moza gallega, nalgas y tetas*).

Как правило, создаваемый паремией образ народа является субъективным, привлекаемые для создания паремийного ритма сопутствующие образы могут быть абсолютно лишены логики, например: *Ni perro negro, ni mozo gallego* – в том, что пес черного цвета менее преданный, чем пес какого-либо другого цвета, нет никакого смысла. Достаточно частотны паремии, в которых без пояснений представители того или иного региона называются «плохими», «никчемными»: *De Aragón, ni buen viento (vino), ni buen varón; Antes moro / puto que gallego; Asuriano ni mulo, ninguno* и др.

Проанализировав паремии были выявлены следующие специфические черты жителей Испании: в Андалусии – боятся креста (не христиане); в Арагоне – любят поесть, упрямы и имеют сильный характер; в Астуре – красивые женщины, вино, воинственность; в Галисии – скучность, красивые женщины; в Кастилии – благородное происхождение, честность; в Каталонии – экономность, предприимчивость, красивые женщины; в Наварре – непрятательность; сила, в Сантандере – хитрость, изворотливость, в Мадриде – исключительность (ее отрицание).

Список литературы

1. Кабицкий М. Е., Рудник С. М. Современный испанский автономизм: достижения, проблемы, перспективы // Исторические исследования. № 12, 2019. С. 14–29.
2. Кожановский А. Н. Испания: этнический фактор и административные границы // Общественные науки и современность. № 6, 2002. С. 78–89.
3. Кожановский А. Н. Культурно-языковое многообразие населения Испании: теория и реальность. Автореф. … д. и. н., Москва, 2012. 41 с.
4. Arora S. L. Proverbs and Prejudice: El Indio in Hispanic Proverbial Speech // Cognition, Comprehension, and Communication. A Decade of North American Proverb Studies (1990–2000). Schneider-Verlag, Hohengehren. 2003. P. 17–36.
5. Diccionario de la lengua española de Real Academia Española. URL: <https://dle.rae.es/contenido/actualizaci%C3%B3n-2019> (дата обращения: 06.2020).
6. Dundes A. “Slurs International: Folk Comparison of Ethnicity and National Character.” // Southern Folklore Quarterly. 39 (1975). P. 15–38.
7. Esteban J. ¡Judas! ... ¡Hi... de puta! Insultos y animadversión entre Españoles. Editorial Renacimiento. 2003. 243 p.
8. Mieder W. Historia y futuro de los refranes comunes en Europa. Paremia, 9: Madrid. 2000. P. 15–24.
9. Mieder W. “The Only Good Indian Is a Dead Indian”: History and Meaning of a Proverbial Stereotype // Journal of American Folklore. 106 (1993). P. 38–60.
10. Refranes. URL: <http://www.martinezdecarnero.com/glossword/index.php> (дата обращения: 06.2020).
11. Refranes de Buscapalabra. URL: <https://www.buscapalabra.com/> (дата обращения: 06.2020).
12. Refranero Castellano. URL: <http://www.refranerocastellano.com/> (дата обращения: 06.2020).
13. Sbarbi y Osuna J. M. Diccionario de refranes, adagios, proverbios, modismos, locuciones y frases proverbiales de la lengua española. Madrid, 1922.
14. Vergara Martín G. M. Diccionario geográfico popular de cantares, refranes, adagios, proverbios, locuciones, frases proverbiales y modismos españoles. Madrid, 1923. 345 p.

Menshakova N. N.

*PhD (Philology), Associate Professor
Department of Linguistics and Translation,
Perm State University,
Perm, Russian Federation*

**REPRESENTATION OF THE IMAGE OF THE PEOPLES
OF SPAIN IN THE SPANISH PAREMIAS**

Paremiias represent one of the means of reflecting and propagating of cultural and ethnical stereotypes; they show what is special and what is typical in people of this or that ethnicity. If these paremiias belong to the people they characterize they reveal virtues of these people, but if they depict people of other ethnicity, they contain subjectively negative assessments, because all what is alien is considered to be malevolent and bad. People of Spain are classified by territory, not ethnicity. This is reflected in paremiias that depict people of the main and most important provinces and territories of the country. The Spanish describe their neighbors giving them negative traits, thus distancing themselves from them. The article analyzes Spanish paremiias that contain images of people living in Spain. Paremiographical, lexicographical and cultural and linguistic types of analysis allowed bringing out typical and specific traits attributed by Spaniards to inhabitants of neighboring provinces and territories of their country. Paremiias that were brought out demonstrate absence of tolerance to neighbors, despite of the fact that each of the people of Spain considers themselves to be Spanish.

Keywords: paremia, Spain, Spanish, tolerance, linguoculturology.

ЛИНГВОТОЛЕРАНТНОСТЬ VS ЛИНГВОКОНФЛИКТОГЕННОСТЬ

УДК 81'42

Путина Ольга Николаевна

Старший преподаватель кафедры английского языка профессиональной коммуникации, Пермский государственный национальный исследовательский университет 614099, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 Тел.: +7 (342) 2396833, e-mail: onputina@mail.ru

ЛИНГВОКОНФЛИКТОГЕННОСТЬ КАК ПАРАМЕТР НАЦИОНАЛЬНОГО СТИЛЯ ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ)

В предлагаемой статье понятие национального стиля вербальной коммуникации рассматривается с точки зрения двух параметров: лингвоконфликтогенности и лингвотолерантности. Функциональный подход к исследованию позволяет выявить типичные языковые средства актуализации лингвистической конфликтогенности в русском и английском языках – дискурсивные маркеры, pragматический потенциал которых заключается в совокупности их функций, реализуемых в контексте. С применением корпусного анализа языковые средства изучаются на аутентичных речевых употреблениях. Подобные «конфликтогенные» средства усиливают категоричность высказывания, повышают градус коммуникации, интенсифицируют негативную тональность речи. Изучение лингвоконфликтогенности необходимо для дальнейшего исследования типичных языковых средства актуализации лингвистической толерантности в свете глобализации, межкультурной коммуникации, интеграции, миграции и урбанизации современного общества. Каждая лингвокультура обладает своей спецификой и критериями оценки конфликтогенности высказывания.

Ключевые слова: толерантность, интолерантность, лингвоконфликтогенность, лингвотолерантность, национальный стиль вербальной коммуникации, дискурс повседневности, дискурсивный маркер, pragматический потенциал, функция, контекст.

Введение

В эпоху глобализации экономики, высокой мобильности, быстрого развития коммуникации, урбанизации и преобразования социальных структур исследование проблемы национального стиля верbalной коммуникации с позиции лингвоконфликтогенности и лингвотолерантности становится особенно актуальным. В свете межкультурной коммуникации и миграционной лингвистики данная проблема обретает как теоретическую, так и практическую значимость. Применение функционального подхода позволяет обратиться к различным языковым средствам актуализации лингвистической конфликтогенности дискурса, обнаруживая при этом возможные национальные, культурные и психологические барьеры.

Основная часть

Понятия *лингвоконфликтогенность* и *лингвотолерантность* следует рассматривать прежде всего через понятие *толерантность*, определение которому дано в Декларации принципов толерантности, утвержденной резолюцией 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года: «*Толерантность* означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность – это гармония в многообразии» [Декларация принципов толерантности, эл. ресурс].

Соответственно, *интолерантность* является противоположным понятием: это нетерпимость, в основе которой лежит неприятие Другого, его культуры, форм самовыражения и различных способов проявлений человеческой индивидуальности. По типу речевого поведения личность можно рассматривать как *лингвотолерантную* или *лингвоконфликтогенную*. Для *лингвотолерантной личности* характерно сохранение коммуникативного пространства партнера, сбалансированный диалог, смена коммуникативных ролей, владение стратегиями и тактиками ухода от конфликта [Воронцова, 2009, с. 4–6]. *Лингвоконфликтогенная личность*, напротив, отличается нарушением коммуникативного пространства, затруднениями в процессе обмена информацией, проявлениями верbalной агрессии, отсутствием стратегии взаимодействия и, в результате, продуктивного общения [Путина, 2020, с. 67].

Для каждого национального стиля верbalной коммуникации, а также для коммуникативной культуры в целом характерны и лингвотолерантность, и лингвоконфликтогенность. Причины существования последней могут носить разный характер.

Во-первых, конфликт в языке неизбежен, поскольку, по мнению Э. Фромма, агрессия постоянно присутствует в организме человека как импульс, обусловленный самой природой [Фромм, 1973, с. 126–127]. Во-вторых, нарастанию лингвоконфликтогенности способствует массовое распространение коммуникации в виртуальном мире с присущей ему анонимностью, относительной безнаказанностью и безответственностью [Будко, 2016, с. 20]. В-третьих, различного рода лингвистические конфликты являются маркерами не только состояния языка, но и социальных и политических проблем общества [Кронгауз, эл. ресурс].

Национальный стиль верbalной коммуникации Т. В. Ларина характеризует как «совокупность исторически сложившихся и закрепленных традицией особенностей использования языка, характерных для носителей данной лингвокультуры, национально-специфический тип коммуникативного поведения, формируемый социально-культурными отношениями и ценностями» [Ларина, 2005, с. 30–31].

В рамках нашего исследования мы обращаемся к русскому и английскому национальным стилям вербальной коммуникации. Очевидно, что различные коммуникативные культуры и национальные стили вербальной коммуникации обладают собственными специфическими чертами. Так для английского национального стиля вербальной коммуникации типична такая доминанта как *коммуникативная неимпозитивность* – недопустимость прямого воздействия на собеседника или же минимальное воздействие. Подобная коммуникативная неприкосновенность базируется на автономии личности – *privacy*. Данная особенность проявляется в английской коммуникации на уровне использования языковых средств, коммуникативных стратегий и речевых актов. Как следствие для английского стиля коммуникации характерны такие черты, как косвенность, непрямолинейность, некатегоричность, уклончивость.

Русскому национальному стилю присуща *коммуникативная импозитивность* – допустимость оказания прямого воздействия на собеседника, поэтому русский стиль коммуникации отличается прямолинейностью, однозначностью, категоричностью [Ларина, 2005, с. 29].

Довольно часто представители русской лингвокультуры строят неприемлемо резкие, не сглаженные, недостаточно вежливые с точки зрения иноязычной культуры высказывания, которые носители английского языка обычно характеризуют прилагательным *blunt* (грубоватый, резкий, прямой). Это является одним из характерных обвинений в адрес русскоязычных пользователей английского языка [Горина, Храброва, 2017, с. 50]. В итоге «с точки зрения способа выражения коммуникативных интенций английский стиль коммуникации можно назвать косвенным, а русский – прямым» [Ларина, 2005, с. 30].

Современные лингвисты исследуют лингвоконфликтогенность и лингвотолерантность на материале разных типов дискурсов: рекламного [Шустова, Платонова, 2016]; миграционного [Зубарева, Шустова, 2019; Царенко, 2019]; медийного [Рязановский Л. М., 2020]).

Наше исследование направлено на изучение данной проблемы в рамках диалогического дискурса *повседневности* – системы элементов разной степени сложности и комплексности, функционально объединенных в структуру общей концепцией. В отличие от других видов дискурса повседневный дискурс является наиболее частотным, характеризуется неинституциональными принципами объединения участников, локальностью целей, открытостью тематической структуры, наличием свободных психологических установок участников дискурса, первичностью коммуникативных стратегий и жанров речевого общения, а также особой интертекстуальной активностью и высоким уровнем вариативности [Тубалова, 2011, с. 51–52]. Примерами данного вида дискурса служат реплики диалогов на русском и английском языках из следующих корпусов: Национальный корпус русского языка (НКРЯ), British National Corpus (BNC), Corpus of Contemporary American English (COCA).

Функциональный аспект исследования дискурса повседневности позволяет выявлять и изучать типичные языковые средства актуализации лингвоконфликтогенности как в русском, так и в английском языках. Подобные «конфликтогенные» средства усиливают категоричность и интенсифицируют негативную тональность высказывания. Так, например, по мнению И. В. Глуховой, наиболее распространенными лексико-семантическими способами выражения конфликтогенности на примере англоязычных печатных СМИ являются негативизмы, метафора, ирония и языковая демагогия [Глухова, 2017, с. 68].

В данном исследовании в качестве примеров актуализации лингвоконфликтогенности в дискурсе повседневности были выбраны дискурсивные маркеры. Под дискурсивным маркером мы понимаем языковую единицу, которая используется в дискурсе, организует дискурс, выполняет определенные функции и осуществляет своего рода маркирование смыслов, передает дополнительную информацию интенциональной направленности [Царенко, Шустова, 2018, с. 45]. Дискурсивные маркеры способны отражать отношения между элементами структуры дискурса, регулировать интеракцию между коммуникантами, активно «вписывать», «встраивать» высказывание в контекст [Шустова, Журавлева, Путина, Исаева, 2020, с. 107].

В качестве примеров дискурсивных маркеров, актуализирующих лингвоконфликтогенность, приведем следующие единицы:

1. Русский язык:

Ну; а ну; ну-ка; надо же; быстро; короче; немедленно; давай; в смысле, кто бы говорил; значит; тебе не дано; мне лучше знать; так; как хочешь; как знаешь; между прочим; а как же; и разговора быть не может; вот тебе раз; иши ты; так ведь; не так ли; не судьба.

2. Английский язык:

Well; well, well, well; now; now then; fine; anyway; wow; derp; damn; sqwee; yech; yuck; is it; what do you mean; how could you; what on earth; what the hell; are you kidding me; why should I; you must be joking.

Прагматический потенциал данных маркеров заключается в совокупности их функций, реализуемых в контексте. Следовательно, в качестве методов исследования мы выбираем контент-анализ как содержательную интерпретацию количественных данных, а также лингвистический анализ, предполагающий описание языковых средств, участвующих в актуализации феномена лингвоконфликтогенности. Более подробно рассмотрим следующие дискурсивные маркеры, являющиеся высокочастотными и типичными для жанра диалогического дискурса повседневности:

1. Русский язык:

Значит; ну-ну:

– Да я вижу, вижу, – насмешливо произнёс муж. – **Значит**, теперь и мама целыми днями будет резаться на компьютере. **Ну-ну**. – Ты знаешь, мне Павлик показал такую интересную программу – там можно вставить свою фотографию и примерять к ней разные прически, одежду, макияж... [Елена Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем! // «Даша», 2004, НКРЯ].

В данном примере дискурсивные маркеры *значит* и *ну-ну* актуализируют следующие функции вызова, осуждения, иронии.

В смысле:

– **В смысле**, что же это такое надо сделать, чтобы выгнали из школы! А вылететь из универа – нефик делать... Конечно, в универсе и самостоятельней, и взрослей, и все такое... [Kogotok, nick] Форум: Школа или универ где легче? (2006), НКРЯ].

Дискурсивный маркер *в смысле* в данном контексте выполняет функции возмущения, удивления, недовольства.

Не судьба:

Тут темнотища такая, – сказал Молодой, – после коридора ничего не видно. – А свет было не судьба включить? – ввязался опять взявшись ниоткуда и одновременно откуда-то сбоку Фил. – Меня после того раза не тянет как-то свет везде включать, я уже дома иногда опасаюсь, – сказал Молодой [А. Б. Сальников. Отдел // «Волга», 2015, НКРЯ].

Употребление дискурсивного маркера *не судьба* позволяет придать высказыванию оттенок недовольства, возмущения, негодования.

2. Английский язык:

Anyway; why should I:

- *What's that? I'm afraid that's classified. Hah.*
- *OK, just let me get this clear... You want me to do you a favor, helping you find something but you're not gon na tell me what it is. Electro wasn't working alone.*
- *Yeah, I guess not. That dumbass isn't smart enough to pull off a Shield job.*
- *Why should I care anyway? I mean don't you have plenty of superheroes in your little club to take care of something like this? You know Electro better than anyone* [COCO].

Данный пример с дискурсивными маркерами *anyway* и *why should I* демонстрирует категоричность высказывания, осуждение, недовольство.

Now then:

– *It was just a very low part, there was a little shopping area just round there at the time er, a butcher's shop and a greengrocer's shop and a Post Office, Street was the Post Office on the corner, and then Street and Road which lead down into Lane and just round oh just round there you see, but I was born at the last house in the Street almost at the bottom of Street. Now then what else do you want to know?*

– *What sort of house was it?*

– *Oh just an ordinary house, nothing er nothing pretentious* [BNC].

Здесь *now then* актуализирует следующие функции вызова, побуждения.

What do you mean; What on earth; How could you:

'What do you mean?' she cried, grabbing at his arm to make him stop walking.' What on earth do you mean?' Alarmed by her vehemence, Nicky replied, 'I've been meaning to tell you for ages. But the time was never right, somehow.' Meaning to tell me? Why didn't you tell me straight away? How could you keep it a secret -- after all I've told you?' Bursting into tears, she turned and ran back through the wood, pushing blindly through the ferns, stumbling, hot and panting, determined to get away from Nicky so that she could try to think straight. He ran after her, calling her name, but she ignored him and kept running until she reached the road [BNC].

Дискурсивные маркеры *what do you mean*, *what on earth*, *how could you* в данном контексте выражают возмущение и негодование.

В результате все приведенные выше дискурсивные маркеры русского и английского языков в свете выполняемых ими функций можно охарактеризовать как «конфликтогенные», так как они интенсифицируют категоричность и усугубляют негативную тональность.

Описание функционального потенциала подобных маркеров важно для последующего формирования навыков предотвращения проявления подобного явления в речи и построения эффективной речевой коммуникации.

Заключение

Применение функционального подхода позволяет выявить языковые средства актуализации лингвистической конфликтогенности и дискурса в целом. Проанализированные дискурсивные маркеры реализуют прагматико-коммуникативную функцию в дискурсе повседневности, выражая прямолинейность, категоричность, побуждение, уверенность, вызов, осуждение, иронию, возмущение, удивление, недовольство, негодование и осуждение. Владение подобного рода «интолерантными» единицами дискурса препятствует продуктивному общению и коммуникативной безопасности личности. И, напротив, владение «толерантными» единицами дискурса способствует обеспечению продуктивного общения и коммуникативной безопасности как отдельной личности, так и общества в целом.

В современном обществе важно умение вести цивилизованный диалог в любой среде, объективно излагать факты, снижать категоричность и прямоту умозаключений и выводов в речи, чтобы оставаться в рамках общепринятых норм речевого поведения. Корпусный анализ языковых средств позволяет изучать данное явление на аутентичных речевых употреблениях и повышать осознанность их выбора, формируя положительный образ представителей лингвокультуры [Горина, Храброва, 2017, с. 50].

Проведенный анализ позволяет предположить, что в каждой лингвокультуре существуют свои нюансы и критерии оценки конфликтогенности высказывания, определяющие коммуникативные нормы. В национальном стиле коммуникации отражается коммуникативное сознание народа, его культурные ценности и традиции, поэтому исследование национальных стилей особенно эффективно на междисциплинарном уровне, специалистами этнопсихолингвистики, социолингвистики, миграционной лингвистики, лингвистической прагматики и т. д. К перспективам исследования данной проблемы можно отнести ее изучение в лингводидактическом аспекте, а именно с целью формирования эмотивно-прагматической компетенции [Ларина, 2015, с. 159], которая включает знания, умения и навыки, адекватную интерпретацию эмотивного действия представителей различных лингвокультур, понимание прагматического значения и функциональной направленности.

Список литературы

1. Будко К. В. Классификация языковых средств выражения вербальной агрессии в интернет-комментариях // Рефлексия. 2016. № 6. С. 20–23.

2. Воронцова Т. А. Типология речевого поведения (коммуникативно-прагматический аспект) // *Cuadernos de Rusística Española*. 2009. № 5. С. 21–31.
3. Глухова И. В. Лексико-семантические способы выражения речевой агрессии (на материале англоязычных печатных СМИ) // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 12 (408). Филологические науки. Вып. 110. С. 62–70.
4. Горина О. Г., Храброва В. Е. Лингвистический хеджинг как коммуникативная стратегия (в русле корпусных исследований) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15. № 3. С. 44–53.
5. Декларации принципов толерантности. URL: <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php> (дата обращения: 25.07.2020).
6. Зубарева Е. О. Шустова С. В. Синтагматический анализ концепта МИГРАЦИЯ (на материале корпусных данных) // Миграционная лингвистика. Научный журнал, № 1. Пермь, 2019. С. 23–42.
7. Кронгауз М. А. Речевой этикет. URL: <https://postnauka.ru/video/12524> (дата обращения: 25.07.2020).
8. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 25.07.2020). НКРЯ
9. Тубалова И. В. Специфика организации дискурсов повседневности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 4. С. 41–52.
10. Ларина Т. В. Национальный стиль вербальной коммуникации: постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2005. № 7. С. 26–31.
11. Ларина Т. В. Прагматика эмоций в межкультурном контексте // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 144–163.
12. Путина О. Н. Вербальная агрессия: функциональный аспект (на материале дискурсивных маркеров) // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. Научно-практический методический журнал. Том 14. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 2020. С. 67–72.
13. Рязановский Л. М. Рацио и эмоцио фразеологии СМИ // Трофимова Н. А., Манукян Я. А., Мегрелишвили Т. Г., Рязановский Л. М., Шустова С. В., Сюткина Н. П. *Ratio at Emotio: Рациональное и эмоциональное в языке и речи*. Санкт-Петербург: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2020. 170 с.
14. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. 1973 / Пер. с англ. Э. М. Телятниковой, Т. В. Панфилова. Москва: Аст, 2004. 635 с.
15. Хруненкова А. В. Антиэтикетные формы речевого поведения в интолерантных ситуациях общения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 82–1. С. 381–387.
16. Царенко Н. М. Дискурсивные маркеры русского языка как элементы лингвистической интеграции мигрантов // Миграционная лингвистика. Научный журнал, № 1, Пермь, 2019. С. 105–110.

17. Царенко Н. М., Шустова С. В. Дискурсивные маркеры: прагмалингводидактический подход. Монография. Пермь: «Пермский институт экономики и финансов», 2018. 148 с.

18. Шустова С. В., Журавлева Е. Р., Путина О. Н., Исаева Е. В. Дискурсивные маркеры: прагмалингвистический и прагмалингводидактический аспекты. Монография / Научн. ред. доктор филологических наук, проф. Е. В. Боднарук. Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2020. 152 с.

19. Шустова С. В. Платонова Е. А. Рекламный дискурс и рекламный текст: к вопросу о функциональном потенциале. Пермь: Изд-во «Пермский институт экономики и финансов», 2016. 96 с.

20. BNC – British National Corpus. URL: <https://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 25.07.2020).

21. COCA – Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 25.07.2020).

Putina O. N.

Senior Lecturer,

Department of English Professional Communication,

Perm State University, Perm, Russian Federation

***LINGUOCONFLICTOGENICITY AS A PARAMETER OF THE NATIONAL STYLE
OF VERBAL COMMUNICATION (ON THE EXAMPLE OF DISCOURSE MARKERS)***

In the proposed article, the concept of national style of verbal communication is considered in terms of two parameters: linguistic conflictogenicity and linguistic tolerance. The functional approach in the research allows revealing the typical linguistic means of linguistic conflictogenicity in the Russian and English languages – discourse markers, the pragmatic potential of which consists in their functions realized in the context. Corpus analysis of language means allows studying these phenomena on authentic speech usage. Such "conflictogenic" means strengthen the categoricity of the statement, increase the degree of communication, intensify the negative tone of speech. The study of linguistic conflicts is relevant for further study of the typical linguistic means of actualizing linguistic tolerance in the light of globalization, cross-cultural communication, integration, migration and urbanization of modern society. Each linguoculture has its own specificity and criteria for assessing the conflictogenicity of a statement.

Keywords: tolerance, intolerant, linguistic conflictogenicity, linguistic tolerance, national style of verbal communication, conversational discourse, discourse marker, pragmatic potential, function, context.

МИГРАЦИОННЫЙ РЕКЛАМНЫЙ ДИСКУРС

УДК 81'42

Черноусова Анастасия Степановна

Кандидат филологических наук, доцент
кафедры теоретического и прикладного языкоznания,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Тел.: +7 (342) 2396417, e-mail: nastya-chernous@mail.ru

Сюткина Надежда Павловна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Тел.: +7 (342) 2396283, e-mail: nad975@yandex.ru

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

В центре внимания работы – фрагмент ономастического пространства российско-китайского приграничья – тексты китайских рекламных вывесок на русском языке, которые создаются своеобразным «китайским русским» языком. Материал представляет собой развернутый обзор теоретических положений и эмпирического материала монографии Цзян Ии и Е. А. Оглезневой «Рекламные вывески на русском языке в приграничном Китае: лингвистический аспект». Соответствуя современным тенденциям отечественной лингвистики, в центре которой комплексные, многоаспектные исследования языкового материала, текст содержит анализ современного рекламного пространства, интересного с точки зрения языкового воплощения и сложного с точки зрения языковой ситуации. Приграничный Китай – это регион активного межнационального, межкультурного и межъязыкового взаимодействия с Россией, с языковой ситуацией, охарактеризовать которую

можно как поликомпонентную, демографически «разномощную», коммуникативно несбалансированную, «разностатусную». Отражён скрупулезный анализ эклектичного текста с позиции графического оформления, структурно-грамматических и семантических моделей, особенностей использования частей речи, функциональной нагруженности и нормативности компонентов текстов; составлен социолингвистический портрет среднестатистического создателя текстов вывесок; сформулированы причины возникновения разноуровневых ошибок; приведены и проанализированы многочисленные примеры интерференции, в том числе межкультурной интерференции. Материал может представлять интерес не только для лингвистов, но и для специалистов других направлений научного знания, так как затрагивает, помимо общелингвистических, более широкие проблемы языковой политики и вопросы развития территорий. Авторская концепция может стать основой для изучения сложных в этнографическом ракурсе территорий.

Ключевые слова: миграционная лингвистика, социолингвистические портрет, межкультурная интерференция, Приграничный Китай, реклама, ономастическое пространство, языковая ситуация.

Введение

Активное изучение языкового быта определённой территории в социолингвистической проекции в российской лингвистике началось с 20-х гг. XX в. В статьях Б. А. Ларина 1928 г. «О лингвистическом изучении языка города» и «К лингвистической характеристике города: несколько предпосылок» указывается на то, что между двумя областями, постоянно привлекавшими исследователей, а именно письменным литературным языком и устными диалектами остаётся некий зазор, в котором помещаются малоизученные области городской речи: «городской фольклор, неканонизованные виды письменного языка, разговорная речь разных групп городского населения» [Ларин, 1928, с. 62].

Замечания Б. А. Ларина касались комплексного изучения языка города, который необходимо рассматривать с таких точек зрения, как, (1) в какой мере социальное членение городского коллектива, характер социальных взаимодействий внутри него отражаются в лингвистическом членении языка города и языковой компетенции разных групп горожан; и (2) каковы взаимоотношения литературного языка с нелитературными образованиями, составляющими его непосредственное окружение.

При этом среди социальных факторов учитывался сложный социальный, а иногда и неоднородный национальный состав городского населения, многообразие социальных функций, свойственных горожанам, и то, что каждый горожанин входит в несколько

социальных объединений и, следовательно, владеет более чем одним подъязыком. Языковое разнообразие города представляет собой не только встречу разноязычных коллективов (в дальнейшем это будет названо многоязычием города), но и многообразие языковых навыков каждой группы, зачаточный и совершенный полиглотизм горожан.

Помимо исследования речи горожан, интересными и востребованными сегодня оказываются вопросы языкового быта определённой территории, что создаёт неповторимый образ какого-либо пространства: языковое оформление городского пространства, городские мифы и легенды. В настоящее время исследованию регионов уделяется большое внимание; складывается отдельное направление лингвистических исследований – региональная лингвистика или лингвистическая регионалистика.

Основная часть

Регионы являются социокультурными языковыми общностями, сложившимися в результате взаимодействия культурных, территориальных и социальных факторов. Действительно, город или регион, в котором живёт человек, – не только местонахождение, но и живой, функционирующий организм, воздействующий на своих жителей; это не только и не столько географическое пространство; это то, для чего характерны семантическая нагруженность, смысловая сгущённость, эмоциональное напряжение, рациональная упорядоченность.

Уникальность места жительства заключается в том, что оно является амбивалентным образованием по отношению к человеку: с одной стороны, человек – творец этого места, создатель определённых условий; с другой – влияние места на человека, на существование человека в нём. Так, природа города – это непрерывное порождение самых разнообразных социальных, стилевых, профессиональных, возрастных, этнических и других локусов, общностей, субкультур и институтов. Он формирует разные настроения, новые смыслы, интенции, нормы и ценности, и, наконец, новые слова и символы для выражения этих сущностей. В городе рождаются разные мироощущения и нетождественные интересы различных субкультур и групп, формирующих городское сообщество.

Как нам представляется, монография Цзян Ин и Е. А. Оглезневой «Рекламные вывески на русском языке в приграничном Китае: лингвистический аспект» полностью соответствует современным тенденциям отечественной лингвистики. Она посвящена комплексному рассмотрению интересного с точки зрения языкового воплощения явления – современному рекламному пространству приграничных с Россией китайских городов, которое формируется

своеобразным «китайским русским» языком как эклектичным образованием. В монографии исследуются тексты китайских рекламных вывесок на русском языке и их функции в коммуникативном пространстве приграничного китайского города.

Изучение именно этой территории, как нам кажется, с одной стороны, безусловно, интересно; с другой – связано с определёнными трудностями, так как приграничный северо-восточный Китай в настоящее время – это регион активного межнационального, межкультурного и межязыкового взаимодействия с Россией. И языковая ситуация этой территории представляет собой сложный и многоаспектный феномен, который характеризуется системностью и функциональной неоднородностью. Авторы взяли на себя смелость исследовать языковой материал непростой территории, языковая ситуация которой, как представляется, динамично отражает социальные, экономические и политические изменения.

В первой главе «*Русский язык в приграничном г. Хэйхэ: социолингвистический аспект*» авторы описывают языковую ситуацию в современном приграничном городе Хэйхэ и место русского языка в ней. Опираясь на известные труды В. А. Аврорина (1975), А. Д. Швейцера, В. Д. Бондалетова (1987), В. А. Виноградова (1990), Н. Б. Мечковской (2000, 2001), В. И. Беликова, Л. П. Крысина (2001), А. Д. Швейцера (2009) и других, авторы дают чёткое определение таким понятиям, как *языковое сообщество*, *языковая ситуация* (приводят типологически значимые их признаки, классификацию языковых ситуаций); описывают особенности языковой ситуации в г. Хэйхэ (состав идиомов и особенности их функционирования). «Языковую ситуацию в г. Хэйхэ можно охарактеризовать таким образом:

- 1) поликомпонентная, так как она включает множество идиомов как на уровне экзоглоссии, так и на уровне эндоглоссии;
- 2) демографически разномощная: местный язык (китайский) обладает несомненно самой большой демографической мощностью среди всех других функционирующих в г. Хэйхэ языков. Вместе с тем русские представлены количественно больше среди всех этнических групп в Хэйхэ, следовательно, русский язык среди всех других языков, функционирующих в Хэйхэ, кроме китайского, будет также иметь больший демографический вес по сравнению с другими языками;
- 3) коммуникативно несбалансированная, так как различные языки, в том числе русский язык, используются ограниченно, в отличие от китайского, функционирующего во всех сферах коммуникации;

4) разностатусная, так как характеризуется различным юридическим статусом образующих ситуацию языков (статус государственного языка имеет только один язык – китайский);

5) языки, составляющие языковую ситуацию различны по степени генетической общности; китайский и русский идиомы являются генетически неродственными, типологически нетождественными [Цзян, Оглезнева, 2019, с. 26].

Уделяется внимание русско-китайскому пиджину как особому компоненту языковой ситуации г. Хэйхэ. Проявляя лингвистическую эрудицию, авторы приводят результаты исследования пиджина китайскими коллегами: Жун Цзе «Пиджин в русско-китайской межкультурной коммуникации», 1998; Ма На, Дин Шуцинь «Харбинский русско-китайский пиджин и способы словообразования», 2011; ЧжАО Лучэн «Причины исчезновения харбинского русско-китайского пиджина», 2004.

Авторами установлено, что русско-китайский пиджин как компонент языковой ситуации г. Хэйхэ обладает своей спецификой на всех уровнях языковой системы и выполняет определённые функции в межкультурной устной неофициальной коммуникации между китайским и русским населением. Несмотря на его ограниченный характер, он используется в общении, которое не требует знания всех национальных богатств русского языка и в коммуникации достигает своих pragматических целей.

В этой же главе описаны языковые особенности, проявляющиеся при взаимодействии русского и китайского языков (региональные лексические заимствования, сферы официального использования русского языка в г. Хэйхэ, в том числе как языка городского топонимического пространства и рекламы).

Второй параграф этой главы посвящён описанию ономастического пространства приграничного китайского города и рекламной вывески на русском языке как важного его элемента. Отмечается поликультурность как отчетливо выраженное ныне свойство социальной и языковой реальности, проявляющееся в исследуемом языковом материале приграничного г. Хэйхэ. Уточняется содержание термина «вывеска»: он используется авторами в значении упрощённого кодированного текста письменной формы, выполняющего индикативную, апеллятивную, рекламную и другие функции в лингвокультурном пространстве современного города; по мнению исследователей, вывески в сжатом, обобщённом виде отражают мировосприятие и мироощущение городского социума и являются наиболее динамичным речевым продуктом, реагирующим на изменения смыслового поля культуры. В этом параграфе чётко описаны порядок, места сбора

фактического материала, сферы функционирования китайских рекламных вывесок на русском языке, что вызывает доверие к полученным результатам.

Анализ графического оформления китайских рекламных вывесок на русском языке позволяет Цзян Ин и Е. А. Оглезневой сделать вывод об основных способах письма:

а) буквами русского алфавита («Ресторан у Лены», «Аптека Юра», «Все виды сумок У САША», «Зоомагазин Аня»);

б) буквами русского алфавита и китайскими иероглифами: «白领丽人服装店 – Магазин одежды “Красной женщины”», «新亚家居展示中心 – Салон мебели “Синяя”», «名流皮草城 – Салон кожи и меха “Минлю”», «友谊书店 – Книжный магазин “Дружба”»;

в) буквами русского алфавита, китайскими иероглифами и буквами латинского алфавита: «JOMOO 九牧健康卫浴专家 “Цюйму” сантехника», «兴隆大家庭生活超市 Happy Family Супермаркет “Большая семья Синлун”», «美的 Midea Эксклюзивная продажа MIDEA». Часто текст дополняется картинкой, символом, что добавляет вывеске информативности.

Авторы делают верное замечание о поликодовости компонентов китайских рекламных вывесок на русском языке, что составляет одну из отличительных черт взаимодействия русского и китайского языков на приграничной российско-китайской территории. Кроме того, естественно, что китайские рекламные вывески на русском языке в г. Хэйхэ представляют собой креолизованные тексты. В связи с этим авторы описывают типы креолизованных текстов.

Как известно, в языкоznании XX–XXI вв. преобладает антропоцентрический подход к рассмотрению фактов языка. В центре этого подхода человек как носитель языка, порождающий тексты; исследуется человек в языке и язык в человеке. Авторы также учитывают человеческий фактор, в том числе лингвистическое поведение носителя языка как члена определённого языкового коллектива. С помощью социолингвистических методов (интервьюирование, анкетирование 150 информантов) выявляют социолингвистические параметры среднестатистического создателя китайских рекламных вывесок на русском языке: создают портрет среднестатистического создателя китайских вывесок на русском языке с учётом 12 параметров.

Таким образом, изучив материал данной главы, логично представленный авторами, мы убеждаемся в поликомпонентности языковой ситуации исследуемой территории с количественной и качественной неравнозначностью идиомов, её составляющих. А также понимаем, что в настоящее время в регионе, являющимся пунктом межкультурного взаимодействия с Россией, активно используется своеобразная наружная реклама (китайские

рекламные вывески на русском языке, предназначенных для российских граждан, приезжающих в Хэйхэ в туристических и служебных целях).

Эти вывески составляют значительный и по-своему уникальный сегмент городского ономастического пространства, представляющий собой креолизованный текст, который на вербальном уровне реализуется графическими средствами русского и китайского языков (иногда – с участием английского языка). Характерной особенностью анализируемых вывесок является наличие в них транслитерированных и нетранслитерированных на русский язык компонентов китайского языка.

Тексты китайских рекламных вывесок на русском языке обладают собственной спецификой, в том числе языковой, связанной с многочисленными отклонениями от нормы русского языка в их текстах, что обусловлено, в частности, фактором адресанта.

По данным социолингвистического анкетирования, создателями рекламных вывесок на русском языке являются жители г. Хэйхэ, обладающие низким уровнем владения русским языком. Создаваемые ими тексты вывесок имеют прагматическую направленность, аспект языковой нормы представляется для авторов вывесок неактуальным.

Глава 2. «*Китайские рекламные вывески на русском языке как текст: особенности структуры и семантики*» демонстрирует знания авторов о рекламной вывеске как тексте и о современных исследованиях названий коммерческих объектов [см. работы Н. В. Шимкевич, 2002; М. В. Китайгородской, 2003; М.Е. Новичихиной, 2003; И.В. Крюковой, 2004; Е. А. Трифоновой, 2006; Н. В. Михайловой, 2014 и др.].

Скрупулёзный анализ вывесок произведён авторами с точки зрения структурных, структурно-грамматических и семантических моделей, особенностей использования частей речи, функциональной нагруженности структурных компонентов текстов в соотношении с китайскими оригинальными моделями. Общее количество слов в проанализированных текстах китайских вывесок составляет более 3000. Так, установлено, что тексты вывесок состоят из трех компонентов (идентифицирующего, квалифицирующего, дифференцирующего). Например, магазин, ресторан, салон, гостиница – это идентифицирующий компонент; квалифицирующий компонент уточняет профиль городского объекта, ассортимент предлагаемых товаров и услуг, а также уровень обслуживания (например, магазин мебели, цветочный салон, интернет-кафе); дифференцирующий компонент – это индивидуальное название объекта, базовая составляющая.

Самыми продуктивными оказываются однокомпонентные (42 %) и двухкомпонентные (39 %) модели. Это замечание не соотносится с исследованиями коллег, отмечающих

преобладание трехкомпонентных моделей. По мнению авторов, связано это с тем, что однокомпонентные и двухкомпонентные модели представляют собой специфическое явление, выступая как результат буквального перевода с китайского на русский язык.

С точки зрения семантики в исследуемом материале преобладают тексты рекламных вывесок с несоответствием семантических компонентов в китайском оригинальном тексте и в его переводе на русский язык. В переводе китайских рекламных вывесок на русский язык наблюдается утрата одного или двух семантических компонентов. Такие модели в материале составляют 61 % от общего числа вывесок, в которых информация представлена на двух языках (китайском и русском). Структурные модели с утратой при переводе одного или двух семантических компонентов текста вывески представляют собой типичное языковое явление. Например, трехкомпонентная структурно-семантическая модель: **幸福家具城** (幸福: счастье **家具**: мебель **城**: магазин), русский перевод – мебельный магазин. Произошла утрата дифференцирующего компонента «счастье».

Есть и обратные процессы: существуют тексты вывесок, которые на китайском языке препрезентированы одним компонентом, а на русском языке они выглядят как своеобразный «развернутый» перевод китайского оригинального текста. Это, например, текст вывески с одним семантическим компонентом – дифференцирующим, который обозначает известный китайский бренд: «**九牧王**» (Цзю Му Ван), в русском же переводе вывески даётся подробная информация о товаре, которая эксплицирует тот смысл, который скрывается за названием бренда: «Магазин модной мужской одежды “Цзю Му Ван”».

В таких вывесках наблюдается в переводе на русский язык «восстановление» отсутствующих семантических компонентов: идентифицирующего и квалифицирующего или только квалифицирующего.

Вывески выполняют несколько функций, главная из которых – номинативная; являясь базовой, помогает ориентироваться в ограниченном пространстве русского языка, окружённого китайским языком. Ориентируясь в мире названий на русском языке, человек познает коммуникативное пространство города.

Информативная функция конкретизирует вид, ассортимент предлагаемых товаров или услуг, например, «Мир-брюки низкой цены», «Жареное мясо по-южнокорейски», «Рыба в каменном кострюле» и т. п. Вывески на русском языке демонстрируют тенденцию к увеличению информации, чтобы более подробно ориентировать покупателя. Например, рядом с названием магазина часто появляются сопутствующие информативные дополнения: «“Хунюй” магазин бельевого трикотажа (ниже) носки трусы корсетные изделия купальни» и другие.

Интересно, что в отдельных случаях информативность текста рекламной вывески избыточна. Например: «Оптом маика трусы носки шапка шарф», «ткань пододеяльник покрывало простыня одеяло». Иногда наблюдается дублирование информации: «Оптом носки трусы подштанники тёплые подштанники».

Рекламная функция предназначена для продвижения товара или услуги на рынке. Среди вывесок на русском языке в г. Хэйхэ отмечены следующие:

1) вывески с именами и фамилиями людей, прецедентные русские имена («Аптека „Надежда“», «Аптека у Светы», «Маникюрный салон „Катя“», «Шуба „Наташа“», «Книжный магазин „Пушкин“», «Магазин русских товаров „Путин“»);

2) вывески с названиями известных международных и китайских брендов и марок («Салон красоты LOVSA», «Светильники OPPLE», «Магазин модной мужской одежды „Цзю Му Ван“»;

3) вывески с географическими названиями – топонимами («Баня „Золотое Средиземное море“», «Европейский ресторан „Амур“», «Меховой салон „Москва“»);

4) вывески-пожелания, в названиях которых рекламный эффект передается через «наилучшие пожелания» («Аптека „Здоровье“», «Гостиница „Счастье“», «Оптовый отдел „Вечная победа“», «Ресторан „Радость“»);

5) «образные» вывески, служащие цели угодить настроению клиента, его желанию купить товар или услугу «высшей пробы» («Баня „Золотое озеро“», «Ресторан „Пристань рыбаков“», «Гостиница Эдем»).

Вывод о низкой языковой компетенции создателей вывесок, как нам кажется, привёл авторов монографии к необходимости ортологического исследования. Третья глава *«Языковая специфика китайских рекламных вывесок на русском языке: нормативный аспект»* содержит всесторонний анализ природы ошибок в письменной речи китайцев.

Основываясь на значительном количестве лингводидактических трудов, описывающих грамматические, лексические ошибки, а также ошибки, связанные с трудностями аудирования и несформированностью навыков чтения и письма, авторы изучили 1 067 текстов и выявили:

– графические ошибки в текстах китайских рекламных вывесок на русском языке (например, «Зьдорове» или «Брюки для мужчины и женщины»); орфографические («Пильмени», «Мелкий кридит», «Распрадажа»);

– лексические ошибки (например, «文化用品商店 Магазин культурные товары» – название магазина, в котором продаются канцелярские товары или «Оптом носки трусы подштанники тёплые подштанники»);

- грамматические («Мужские одежды», «Мир брюки низкой цены», «Русская универмаг „Хун Фэн“»);
- стилистические ошибки («Чай ширпотреба»).

Дано объяснение основных причин возникновения ошибок, детально описана фонетическая, лексическая, грамматическая интерференция.

Заслуживает особого внимания, с нашей точки зрения, лингвокультурная интереференция; авторы монографии описывают разные её виды. Так, оказывается, текст вывески «Рыба в каменной кастрюле» вполне привычно для китайца, так как в китайском быту существует посуда, сделанная из камня, в частности кастрюли, сковороды, сотейники и другое. По ассоциации со своим родным языком (и национальной бытовой культурой) создатель вывески на русском языке употребил прилагательное каменный в привычном для себя варианте.

В вывеске «**至尊男人城** самый центр мужчин» употребление двух начальных иероглифов **至尊** zhìzūn в китайском языке символично. Они характеризуются высокой культурной ценностью и употребляются для того, чтобы передать высокое положение мужчины в китайском обществе. В оригинальном китайском тексте рекламной вывески они несут национально-культурную информацию, которую передать на русский язык невозможно. Поэтому создатели китайской рекламной вывески использовали буквальный (пословный) перевод оригинального текста на русский язык. В результате вместо вывески «Магазин для мужчин» («Мужской магазин „Сударь“») появилась вывеска «**至尊男人城** самый центр мужчин». Лингвокультурные различия отражаются в текстах типа: «Кастрюлька утюга варит рыб», «Жаркое гопубь», «Ресторан собачина» и другие.

Авторы задаются вопросом, насколько часто встречаются ошибки в текстах. В итоге оказывается, что в 57 % текстов есть несоответствие нормам русского языка на разных уровнях языковой системы – графическом, орфографическом, лексическом, грамматическом (морфологическом и синтаксическом), и это составляет главную языковую особенность китайских рекламных вывесок на русском языке, «участвующих» в межкультурной коммуникации.

Заключение

Таким образом, подводя итог, мы можем отметить, что проведён основательный анализ интересного современного явления; в основе исследования прочная теоретическая база; исследование логично выстроено авторами и развёрнуто описано. В монографии имеются Приложения, среди которых – фотографии исследуемого материала, так что выводы авторов не вызывают сомнений.

Исследуемый материал представляет большой интерес для лингвистов, а полученные результаты, как нам кажется, могут быть полезны широкому кругу специалистов, занимающихся вопросами развития территорий и языковой политикой.

Список литературы

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Ленинград: Наука, 1975. 276 с.
2. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. Учебник для вузов Москва: Изд-во «Российский государственный гуманитарный университет», 2001. 439 с.
3. Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика. Учебное пособие. Москва: Просвещение, 1987. 159 с.
4. Виноградов В. А. Пиджины // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Изд-во «Советская энциклопедия», 1990. С. 374.
5. Жун Цзе Русско-китайский пиджин в межкультурной коммуникации // Вестник Института иностранных языков НОА. 1998. № 1. С. 39–44.
6. 荣洁《中俄跨文化交际中的边缘语》解放军外国语学院学报, 1998年第1期. P. 39–44.
7. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современное городское общение: типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация (на примере Москвы). Текст: непосредственный // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. Москва: Языки славянской культуры, 2003. С. 103–126.
8. Крюкова, И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Монография. Волгоград: Перемена, 2004. 288 с.
9. Ларин Б. А. К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок) // Известия государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 1928. Вып. 1. С. 175–185).
10. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // Русская речь. Сборник статей / Под ред. Л. В. Щербы. Вып. 3. Л., 1928. С. 61–75.
11. Ma Na, Шуцинь Дин Харбинский русско-китайский пиджин и способы словообразования // Вестник филологии. 2011. № 5. С. 54–55.
12. 马娜, 丁淑琴《哈尔滨地区的中俄混合语及其构词模式》语文学刊, 2011年第5期. P. 54–55.
13. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. Москва: Флинта; Наука, 2001. 312 с.
14. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. 2-е изд., испр. Москва: Аспект Пресс, 2000. 207 с.
15. Михайлукова Н. В. Тексты городских вывесок как особый речевой жанр (на материале языка г. Владивостока). Монография. Владивосток: Изд-во «Дальневосточный федеральный университет», 2014. 190 с.
16. Новичихина М. Е. Коммерческая номинация. Монография. Воронеж: Изд-во «Воронежский государственный университет», 2003. 189 с.

17. Трифонова, Е. А. Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика (на материале русских и английских эргонимов). Аткореф. ....к. филол. н. Волгоград, 2006. 20 с.

18. Цзян Ин, Оглезнева Е. А. Рекламные вывески на русском языке в приграничном Китае: лингвистический аспект. Монография. Томск: Изд-во «Томский государственный архитектурно-строительный университет», 2019. 320 с.

19. Чжоу Лучэнь Причины исчезновения харбинского русско-китайского пиджина // Вестник Харбинского коммерческого университета. 2004. № 4. С. 123–124.

20. Швейцер А. Д. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. Изд. 2-е. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 176 с.

21. Шимкевич Н. В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты. Аткореф.... к. филол. н. Екатеринбург, 2002. 25 с.

Chernousova A. S.

*PhD (Philology), Associate Professor,
Theoretical and Applied Linguistics Department,
Perm State University, Perm, Russian Federation*

Syutkina N. P.

*PhD (Philology), Associate Professor,
Linguistics and Translation Department,
Perm State University, Perm, Russian Federation*

ONOMASTIC SPACE ON THE RUSSIAN-CHINESE BORDER

The focus of the work is a fragment of the onomastic space of the Russian-Chinese border, texts of Chinese advertising signs in Russian, which are created in a kind of "Chinese Russian" language. The material is a detailed review of the theoretical provisions and empirical material of the monograph by Jiang Ying and E. A. Oglezneva "Advertising signs in Russian on the border with China: a linguistic aspect". Corresponding to the modern tendencies of Russian linguistics, in the center of which there is a complex, multifaceted research of linguistic material, the monograph contains an analysis of the modern advertising space, interesting from the point of view of linguistic embodiment and complicated from the point of view of the linguistic situation. The border with China is a region of active interethnic, intercultural and interlingual interaction with Russia, with a linguistic situation, which can be characterized as multicomponent, demographically "diverse", communicatively unbalanced, having disbalanced status. The monograph gives a scrupulous analysis of an eclectic text from the standpoint of

graphic design, structural-grammatical and semantic models, the peculiarities of using parts of speech, functional charge and norms of text components. The authors compiled a sociolinguistic portrait of the average creator of shop signs, they give reasons for the occurrence of multilevel errors; numerous examples of interference, including intercultural interference, are presented and analyzed. The material may be of interest not only for linguists, but also for specialists in other areas of scientific knowledge as it affects, in addition to general linguistic, broader problems of language policy and issues of development of territories. The author's concept can become the basis for the study of ethnographically complex territories.

Keywords: migration linguistics, sociolinguistic portrait, intercultural interference, bordering China, advertising, onomastic space, linguistic situation.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ

УДК 325.1

Салынская Татьяна Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Институт управления персоналом, социальных и бизнес-коммуникаций,
Государственный университет управления
109542, г. Москва, Рязанский проспект, 99
Тел.:+7(495)3710044
E-mail: salynskayatatiana@mail.ru

Ясницкая Арина Анатольевна

Старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Институт управления персоналом, социальных и бизнес-коммуникаций,
Государственный университет управления
109542, г. Москва, Рязанский проспект, 99
Тел.:+7(495)3710044
E-mail: lmteguu@gmail.com

СПЕЦИФИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В РАМКАХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

На современном этапе развития мирового сообщества образовательная миграция представляет значительный интерес. В качестве приоритетного направления развития общества все государства рассматривают повышение уровня национального образования как один из ключевых инструментов мониторинга конкурентоспособности страны и гарантии её безопасности. Иностранные студенты приобретают статус значимой составляющей национальных образовательных систем. В современных условиях проблемы, неразрывно связанные с образовательной миграцией, требуют активизации научных и исследовательских процессов по становлению и формированию всесторонне культурной языковой личности. В рамках образовательной мобильности молодых людей владение несколькими языками и их использование приобретает всё большее значение. Что касается формата образовательной миграции, то особый интерес представляют вопросы, связанные

с межкультурной коммуникацией в образовательном пространстве, социокультурной адаптацией и языковой интеграцией студентов в университетскую среду.

Ключевые слова: миграция, образование, адаптация, коммуникация, культура, деятельность, иностранный язык, интеграция.

Введение

В современных условиях развития общества необходимость в проектах, исследующих изменения в обучении и образовании под влиянием миграционных процессов, не вызывает вопросов. Главная задача таких исследований заключается в детальном понимании социальных, эмоциональных и культурных аспектов обучения людей разных социальных слоёв и разных возрастных групп. Нет никаких сомнений, что заинтересованность в углублении знаний о социальном взаимодействии в обучении – это вопрос государственной политики [Указ ..., эл. р.].

Для социальной адаптации граждан необходимо разработать механизмы межкультурного взаимодействия с учётом возрастных, профессиональных, национальных, культурных и иных особенностей. Следовательно, важно достичь более детального понимания существующих проблем и миграционной ситуации с учётом влияния этого явления на экономические, социальные, культурные, национальные аспекты жизни общества на всех уровнях: индивидуальном, семейном, местном, региональном, федеральном.

Все глобальные изменения в структуре языка, обычаях, традициях были следствием миграционных процессов с древних времён по настоящее время. Этим можно объяснить характерные изменения во всех видах человеческой активности, и особенно – в языковой, поэтому закономерно, что язык имеет такие характеристики как вариативность [Бухаров, 2014].

Основная часть

В условиях реализации многочисленных международных проектов и в процессе уверенной интеграции России в мировую экономику, происходят постоянные перемещения представителей различных этносов, то есть происходит процесс внутренней и внешней миграции. Бессспорно, что это многогранный социально-психологический процесс, затрагивающий сложные модели взаимодействия, общения и деятельности людей, обусловленный включением человека в некие социальные группы, особенностями социальной психологии народов.

Для современного общества характерны новые направления и процессы, которые связаны, прежде всего, с глобальным экономическим и социально-культурным развитием. В результате появляются новые сообщества, куда входит достаточно большой процент людей, которые владеют языком принимающего общества на низком уровне. Такой вывод нам позволяет сделать опубликованная на официальном сайте ФМС Российской Федерации информация по вопросам миграции. Так в январе-мае 2020 г. в России было оформлено 21 295 разрешительных документов на работу как иностранным гражданам, так и лицам без гражданства, высококвалифицированным специалистам – 6 860, квалифицированным специалистам – 2 542 [ФМС, эл. р.].

Проблемы миграции актуальны и для современной Европы. Большинство мигрантов в Западной Европе – это трудовые мигранты с низким уровнем образования [Бухаров, 1995]. Миграция является фактором, приводящим к изменению состояния языка титульной нации и языка мигрантов.

В рамках современного миграционного дискурса в ряду многочисленных проблем (и теоретического, и прикладного характера) важно выделить проблемы, в разной степени сохраняющие свою актуальность для многих исследователей. В настоящее время интерес экспертов направлен на вопросы, затрагивающие культурологические, социологические, психологические и лингвистические аспекты миграционного процесса в целом.

Люди, перемещаясь не только в пределах собственного государства, но и за его пределами, в рамках собственной картины мира руководствуются, как правило, экономическими, религиозными, психологическими, образовательными и иными мотивами. В процессе образовательной миграции и интеграции в «чужую» культуру и языковую среду наряду с обыденными трудностями возникают проблемы, сопровождающие и осложняющие адаптацию мигрантов к новому сообществу. Это проблемы языковой политики отдельных государств; правовые ограничения, связанные с языками; возможное языковое разнообразие; собственный языковой выбор; трудности овладения «чужим» языком, погружения в мультикультурное и мультиязыковое сообщество и другие.

Важно отметить, что в рамках интернационализации университетского образования имеет место не только передвижение студентов, но и миграция научно-преподавательских кадров, в интересы которых входит расширение профессионального опыта, продвижение в карьере, приобретение новых знаний.

Образовательную миграцию с целью продолжения образования определяют как одно из динамично развивающихся направлений в системе миграционных потоков. В международной практике статистического учёта в связи с определённой социальной

функцией перемещение молодых людей, обоснованное привлекательностью и необходимостью непрерывного образования и карьерного продвижения, выделяют в самостоятельную категорию.

Современную статистику, отражающую феномен процесса миграции, отличает многосторонний подход экспертов к передвижению людей в мире, сопровождающемуся миграционными конфликтами и сопутствующими проблемами: демографическими, экономическими, политическими и языковыми. Например, сложности при формировании устойчивых знаний, умений и навыков в разделах системы изучаемого языка могут привести к непониманию при сравнении образов мира изучаемой и родной культуры.

В Атласе миграции (The Atlas of Migration), в частности, представлены сведения не только по странам-членам Европейского Союза, но и обзорные профили по другим странам. Информация включает в себя данные о миграционных потоках, численности мигрантов, заявлениях о предоставлении убежища и результатах их рассмотрения, а также о видах на жительство и шенгенских визах. В профилях отражены показатели интеграции – от натурализации до социальной интеграции, участия в образовании и присутствия на рынке труда.

На основе статистических данных Атласа миграции / The Atlas of Migration за 2019 г., в составлении которого принимали участие и предоставили данные ряд европейских и всемирных организаций, комиссий и центров: The European Commission's Knowledge Centre on Migration and Demography (KCMD), the European Commission's Joint Research Centre, Eurostat and the Migration and Home Affairs Directorate-General, the United Nations Department of Economic and Social Affairs, United Nations Development Programme, United Nations High Commissioner for Refugees, United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs, United Nations Relief and Works Agency, International Displacement Monitoring Centre, the Organisation for Economic Co-operation and Development, the World Bank and the Institute for Economics and Peace, – можно проводить анализ территориального движения людей, моделировать масштабы различных видов миграции в страны-члены ЕС, условия и динамику интеграции мигрантов [The Atlas of Migration, эл. р.].

Иностранных студентов, количество которых уже давно исчисляется миллионами, в основном принимают в англоязычных странах (Австралии, Канаде, Новой Зеландии, Соединенном Королевстве и Соединенных Штатах) и в Европе, где им предлагают программы подготовки на английском языке. Основным стимулом роста приёма иностранных студентов в университеты является финансовая составляющая. В качестве

убедительного примера можно привести данные по США, в экономику которой в 2016 г. в результате обучения иностранных студентов поступило 39,4 млрд. долл. [gem-report, эл. р.].

Термин «образовательная миграция» обычно трактуется как перемещение обучающихся из одних стран в другие, из одних образовательных учреждений в другие, с определёнными временными периодами для обучения, исследований, защиты дипломов. После реализации поставленных задач в учебном заведении «чужой» страны учащийся возвращается в свою страну для продолжения обучения в своём основном учебном заведении по выбранному направлению или специальности.

Прибывая в «чужую» страну, иностранный студент несёт в себе черты и особенности своей этнической культуры, а возвращаясь обратно, привносит черты чуждого языка в свой родной язык. Взаимодействуя с представителями других культур, студенты сталкиваются с такими проблемами: языковые барьеры, различия в национальной кухне, одежде, нормах поведения. Все эти нюансы затрудняют общение. Следует отметить, что в рамках межкультурной коммуникации и отдельных контактов, их можно рассматривать как частные проблемы. Базовыми и ключевыми причинами коммуникативных трудностей и неудач являются несовпадения и различия ментального характера. Человек воспринимает иностранную культуру, которую принято называть «чужой», постоянно сравнивая её с особенностями и нюансами своей родной культуры.

На современном этапе проблемы, неразрывно связанные с образовательной миграцией, требуют активизации научных и исследовательских процессов, реализации культурных и социальных проектов и программ по становлению и формированию «всесторонне» культурной языковой личности. При этом следует учитывать, что как минимум один из участников диалога пользуется иностранным языком, что оба участника представляют разные культуры, что в процессе общения обнаруживается как сходство, так и различие в структуре языков, в этнических константах, в когнитивных особенностях и аксиологических предпочтениях.

Для успешной реализации учебного процесса необходимо комплексно рассмотреть все составляющие межкультурной коммуникации, принять во внимание отличительные черты представителей разных культур, а также особенности разнообразных компонентов межкультурной ситуации.

Последствия миграционных процессов предсказать невозможно, как невозможно предсказать изменения родных национальных языков основного населения страны. Возникают предпосылки возникновения языковой интерференции. В современной лингвистике термин «интерференция» (от лат. *inter* – «между, взаимно» + *ferens, ferentis* –

«несущий, переносящий») [Розенталь, 1985, с. 88] используют при описании явлений, которые относят к языковым процессам взаимодействия и взаимовлияния, трактуют как «перенесение особенностей родного языка на изучаемый иностранный язык» [Нелюбин, 2011, с. 66].

При овладении языком выделяют не только умение поддержать обыденный разговор, но и способность участвовать в иного рода коммуникации. Эксперты указывают на неразрывную и прочную связь языка с индивидуальным, коллективным и национальным самосознанием. Кроме того, при описании языка в числе его функций выделяют функцию, направленную на фиксацию и хранение знаний, а также представлений языкового сообщества об окружающем мире. Такого формата знание считают результатом работы коллективного сознания [Корнилов, 2014].

Для моделирования вербальной памяти и языкового сознания так называемого «усреднённого» носителя русского языка авторы «Русского ассоциативного словаря» [Русский ассоциативный словарь, 2002] в состав словаря стимулов включили слова, которые можно было бы отнести к образовательному дискурсу, например: *ботаник, выпускной, доцент, доклад, достижение, зачёт, защита, зубрить, знания, институт, конспект, курсовая, к экзамену, лектор, лекция, профессор, реферат, сессия, специалист, стипендия, университет, учеба, учебник, шпаргалка* и другие.

Словарь позволяет выделить и стимулы, относящиеся к коммуникативному и культурному дискурсу: *общество, общение, обычай, традиция; можно подобрать стимулы в рамках вопросов миграционной сферы: полиция, права человека, право, профессия, работа, разлука, расизм, резидент, родной, семейный, служащий, субъект, чиновник, юрист, язык и другие.*

Для исследования современных проблем образовательной миграции, в список слов-стимулов, с которыми могут возникать трудности и которые несут новые смыслы, можно включить: *проект, мобильность, цифровое образование*. Анализ реакций со стороны разных участников эксперимента поможет выявить различия и совпадения в представлениях носителей культурного кода и мигрантов.

В рамках отечественной лингвистики можно говорить об устойчивом интересе исследователей к проблемам определения и выявления ключевых концептов миграционного дискурса и миграционной лингвистики. Такие концепты как *аккультурация, идентичность, интеграция* находятся в фокусе внимания исследователей [Шустова, Исаева, 2019].

В поле миграционного дискурса интерес, по нашему мнению, могут представлять следующие концепты: *адаптация, анализ и самоанализ, мобильность, толерантность*,

трансформация и ряд других. Кроме того, необходимо говорить о кросс-культурном адапторе – способе овладения компетенцией межкультурного общения, который направлен на повышение межкультурной сензитивности, смягчение и/или частичное ослабление резко выраженных последствий культурного шока и который принимает во внимание двусторонний характер процесса взаимодействия нескольких коммуникантов или целой группы.

В рамках зарубежной лингвистики научный интерес может быть направлен на некоторые англоязычные концепты, которые можно отнести к образовательной миграции, которые широко используются во многих культурах и в образовательных системах: *ambassador, collaboration, community, expert, hub, network, mobility, tutor* и другие.

Глобальные экономические и политические процессы, многочисленные межрегиональные связи и межкультурные коммуникации оказывают влияние на образовательную сферу и сотрудничество образовательных учреждений в международном формате. Что касается России, то такого рода деятельность регламентирована Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации».

Сфера международного образовательного партнерства характеризуется широким диапазоном сотрудничества. Речь может идти о таких формах взаимодействия как обмен опытом, новыми технологиями и различными ресурсами. Партнерство в образовательной сфере направлено на развитие и создание единого мирового образовательного пространства. Вне всяких сомнений, оно ведёт к оптимизации и развитию академической мобильности. Более того, следует отметить, что такого рода сотрудничество предполагает повышение авторитета образовательной системы как в мире, так и отдельных странах.

В условиях усиливающейся взаимосвязанности национальных образовательных систем и образовательной мобильности молодых людей, владение несколькими языками и их использование приобретает всё большее значение. Если говорить об образовательной миграции, то особый интерес представляют вопросы, связанные с межкультурной коммуникацией в образовательной среде, социокультурной адаптацией обучающихся и их языковой интеграцией в университетское пространство.

Необходимость в языковой интеграции рассматривается мигрантами (бакалаврами, магистрантами и аспирантами) по-разному и связана с их персональными приоритетами. Не все мигранты заинтересованы в социальной и психологической интеграции, а следовательно, и в изучении языка принимающей стороны, так как рассматривают страну обучения как место временного пребывания: они не видят необходимости в изучении языка страны временного проживания (на период обучения) и сосредоточены на карьерных планах в своей стране.

Несмотря на предварительную языковую подготовку и курсы русского языка как иностранного, организованные высшими учебными заведениями в России, большинство иностранных студентов, как правило, из стран дальнего зарубежья испытывают существенные трудности. Коммуникативные проблемы имеют место как в процессе изучения русского языка, так и в период обучения в университете, которое в основном осуществляется на русском языке, за исключением отдельных дисциплин на иностранном языке (в зависимости от программы университета), а также при общении на русском языке вне учебных занятий.

Очевидно, что в качестве объяснений могут быть выдвинуты такие: ограниченный лексический запас и недостаточные навыки практической речи у иностранных студентов. Это, в свою очередь, провоцирует некоторую закрытость и ведёт к ограниченной коммуникации с носителями русского языка, к определённой психологической отстраненности и социальной замкнутости. Многие студенты при выборе языка общения вне занятий в своих этнических группах предпочитают коммуникацию на родном языке, частично они используют английский и редко русский язык.

Существенное значение для эффективности освоения иностранными студентами учебных программ может иметь постоянная и своевременная поддержка со стороны русскоязычных студентов-одногруппников и преподавателей. Отношение и поведение преподавателей, их профессиональные и лингвистические навыки могут играть важную роль в успешной адаптации к регламенту «чужого» образовательного процесса, когда уровень владения русским языком иностранными студентами считается недостаточным или низким.

Владение преподавателями выпускающих кафедр на хорошем уровне английским языком и дополнительно базовыми знаниями и методикой обучения русскому языку как иностранному могут позволить преподавателям минимизировать различные коммуникативные трудности в общении с иностранными студентами. В ситуациях межкультурного делового общения грамотно сформулированные уточняющие вопросы и сопровождающие их разъяснения на русском или английском языке со стороны преподавателей могут вести к сокращению коммуникативной дистанции, поддержанию открытости и созданию более корректного образа «нового» окружающего мира.

Для вовлечения иностранных студентов в научно-исследовательскую деятельность в Государственном университете управления (г. Москва) при поддержке кафедры иностранных языков иностранных студентов привлекают к участию в учебной научно-исследовательской работе (НИР).

Иностранным студентам предоставляется возможность ежегодно принимать участие в различных конференциях, круглых столах и других мероприятиях, организованных не только выпускающими кафедрами в рамках университета (Всероссийская студенческая конференция «Проблемы управления»), но и другими образовательными структурами.

Кафедра иностранных языков, являясь организатором ежегодных конференций: Международной студенческой научно-практической конференции «The English language: the way to success» и Международной заочной студенческой научно-практической конференции «Digital english, digital business, digital economy».

В рамках учебных НИР студентов преподаватели кафедры русского языка, общих дисциплин, а также программы «Программа мобильности. Кросс-культурный менеджмент» оказывают лингвистическую поддержку не только русскоязычным, но и иностранным студентам при подготовке научных статей и публичных выступлений.

«Программа мобильности. Кросс-культурный менеджмент», реализуемая Государственным университетом управления (г. Москва), наряду со специальными дисциплинами иностранным студентам предлагает освоение таких дисциплин как: русский язык, кросс-культурные коммуникации, регионоведение. Это позволяет решать проблемы межкультурной адаптации, помогает избавиться от «культурного шока», «снять» стереотипы в межкультурной коммуникации, «сблизить» национальные образы мира.

В Государственном университете управления (г. Москва) на постоянной основе работает Школа наставничества, которая оказывает поддержку иностранным студентам в адаптации к учебному процессу и к культуре повседневной жизни в мегаполисе и стране. К этому виду коммуникации в рамках университета, как правило, на волонтерских началах привлекают русскоязычных студентов, проявляющих интерес к иностранным языкам и проблемам межкультурной коммуникации.

Такая практика взаимодействия студентов не является новой и уникальной, она достаточно широко распространена как в российских, так и в зарубежных вузах. На сайтах университетов, и в частности, City, University of London в разделе «International Students» можно найти не только необходимую официальную информацию для студентов, не являющихся резидентами страны, но и рубрику «Ask a student» с предложением «Chat to our students to find out what it is like to study at City, University of London». С вопросами можно обращаться не только к студентам, но и к сотрудникам университета, что позволяет поддерживать неформальное общение в студенческой среде и получать официальные разъяснения от административных структур и учебных отделов в онлайн-формате.

В летний период в университетах и в Государственном университете управления (г. Москва), в том числе, открывается Летняя языковая школа, где иностранные студенты могут изучать в онлайн-формате не только русский язык, но и культуру, историю России и русскую литературу. Формат занятий, направленный на расширение знаний и представлений о так называемой «новой» культуре и истории, предусматривает проведение круглых столов, обсуждение различных вопросов по актуальным темам, участие в экскурсионных и культурных программах и ведет к более глубокому и широкому пониманию русской культуры и традиций [guu.ru, эл. р.].

Очевидно, что проблемы миграции и языка затрагивают интересы обеих сторон: принимающей страны и въезжающих в страну молодых людей. Необходимость в выявлении коммуникативных трудностей, а также важность изучения многочисленных и разнообразных трансформаций в языке, возникающих в результате влияния проблем миграционных процессов, можно рассматривать, как своевременные и значимые подходы для устранения последствий языковых конфликтов. По мнению авторов, для решения конфликтных ситуаций ориентирование на использование только политических и/или правовых инструментов является недостаточным.

Следует принимать во внимание и то, что мир и образовательные технологии меняются, и характер образовательной мобильности тоже подвергается значительным преобразованиям, находясь в зависимости от интересов и образовательных потребностей молодых людей, в частности, речь идёт о доступности онлайн-образования. Онлайн-курсы массового открытого обучения, реализуемые на английском языке, позволяют получать образование международного уровня в пределах своей страны, что может значительно сокращать известные трудности межкультурного общения и порождать новые, требующие нестандартных и инновационных подходов и решений.

Заключение

В рамках названных проблем и с целью оптимизации процесса интеграции иностранных студентов в лингвокультурное и образовательное пространство страны считаем необходимым и возможным вовлекать иностранных студентов в проектную деятельность по специальности не только в пределах университета, но и в межуниверситетском формате.

Очевидно, что проектная деятельность, в ходе занятия которой приобретаются коммуникативные навыки, а также опыт сотрудничества, может оказать существенную и значимую поддержку в будущем межкультурном профессиональном взаимодействии.

В связи со сказанным выше возникает необходимость на площадке университета проводить мониторинг образовательных проблем, связанных с обучением иностранных студентов, а также заниматься разработкой адаптирующих программ с целью максимального погружения иностранных студентов в русскоязычную образовательную среду с учётом культурной специфики региона.

Для успешного освоения основной образовательной программы в задачи таких программ могут входить формирование языковой, речевой, социокультурной компетенции у иностранных студентов, изучающих русский язык как на этапе подготовки к поступлению в университет, так и в период основного обучения.

Список литературы

1. Бухаров В. М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка: монография. Н. Новгород: Изд-во «Нижегородский государственный университет», 1995. 138 с.
2. Бухаров В. М. Миграция и взаимодействие коммуникативных кодовых систем // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2014, № 5. С. 94–101.
3. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 4-е изд. испр. Москва: КДУ, 2014. 348 с.
4. Нелюбин Л. Л. Толковый переводческий словарь. Москва: Флинта, 2011. 320 с.
5. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Москва: Просвещение, 1985. 399 с.
6. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М. ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 784 с.
7. Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы». <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 20.06.2020).
8. Шустова С. В., Исаева Е. В. Миграционная лингвистика: становление и развитие. // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме. Монография / Зубарева Е. О., Исаева Е. В., Иценко А. В., Костева В. М., Моцанская Е. Ю., Шустова С. В. / Научный редактор доктор филологических наук, профессор Т. И. Ерофеева. Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2019. С. 5–64.
9. <https://ec.europa.eu/jrc/en/publication/atlas-migration-2019> (дата обращения: 20.06.2020).
10. <http://gem-report-2019.unesco.org/ru/chapter/введение/мобильность-студентов-и-специалистов> (дата обращения: 20.06.2020).
11. <https://guu.ru/международная-деятельность/летняя-языковая-школа-6-19-июля-2020> (дата обращения: 20.06.2020).
12. <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 20.06.2020).

Salyanskaya T. V.,

Ph.D. (Philology),

State University of Management,

Moscow, Russian Federation

Yasnitskaya A. A.

Senior Lecturer, State University of Management,

Moscow, Russian Federation

SPECIFICS OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN THE MIGRATION PROCESSES

The modern world is characterized by the intensification of the educational migration. All countries of the world define the rise of the level of education of their citizens as a priority in socio-economic development, as one of the main means of maintaining the competitiveness of the state and the individual, and the ensuring of national security. Thus, students from other countries become an important component of national educational systems. Problems related to educational migration require the activation of scientific research on the formation of a cultural and linguistic personality. In the context of growing of educational mobility of young people, knowledge of several languages and their use is becoming increasingly important. Concerning the format of educational migration, issues related to intercultural communication in the educational environment, socio-cultural adaptation and language integration of students into the University environment are of particular interest.

Keywords: migration, education, adaptation, communication, culture, activities, foreign language, integration.

ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЬИ

---

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала.

2. К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.

3. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word 1997—2003, шрифт Times New Roman, размер шрифта — 14, межстрочный интервал — 1,0, поля сверху, снизу, слева, справа — 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

4. Графики, диаграммы не допускаются.

5. Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.

6. Объем авторского материала, включающего в себя сведения об авторе, аннотацию, ключевые слова (на русском и английском языках), а также примечания и ссылки, должен быть 6–15 страниц, а для аспирантов — 6–8 страниц.

7. В каждой научной статье журнала должны быть указаны следующие данные:

1 — код УДК;

2 — фамилия, имя, отчество автора (полностью);

3 — ученая степень, ученое звание;

4 — должность, место работы (если таковое имеется).

5 — контактная информация (адрес, e-mail, телефон — для размещения на сайте в сведениях об авторе);

6 — название статьи;

7 — аннотация (100–150 слов) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах;

8 — ключевые слова по содержанию статьи (5–8 слов и / или словосочетаний);

9 — ссылки.

Сведения, указанные в подпунктах 2–8, приводятся как на русском, так и на английском языках.

Включенные в пристатейный список библиографические описания цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи других документов связывают отсылками с конкретным фрагментом текста. При отсылке к произведению, описание которого включено в библиографию, в тексте статьи после упоминания о нем (после цитаты из него) проставляют в квадратных скобках фамилию автора, год и страницы, например: [Иванов, 2005, с. 25], [Berger, 2018, S. 34], [Roberts, 2011, p. 15].

Пристатейные ссылки размещаются после текста статьи, предваряются словом «Список литературы» (не менее 10), оформляются в алфавитном порядке.

При ссылке на данные, полученные из сети Internet, указывается электронный адрес первичного источника информации и дата обращения в круглых скобках, например: (дата обращения: 22.12.2018). При записи подряд нескольких библиографических ссылок на один документ в повторной ссылке приводят слова «Там же» или "Ibid." (для документов, напечатанных латинским шрифтом). В повторных ссылках только на одну работу данного автора (авторов) основное заглавие и следующие за ним повторяющиеся элементы опускают или заменяют словами «Указ. соч.» или "Op. cit." (для документов, напечатанных латинским шрифтом). Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

9. При первом упоминании лица обязательно указываются И. О., которые отделяются пробелом от фамилии. Годы указываются только в цифрах, а не в числительных: 20-е гг., а не двадцатые годы. Не год или годы, а г. или гг. Не век или века, а в. или вв. Исключаются сокращения: др., проч., т. е., т. к. Следует писать полностью: другие, прочие, то есть, так как. Из сокращений допускаются: т. д., т. п., см. Знак % ставится значком, а не словом, если связан с цифрой, и отделяется от цифры интервалом: 3 %; в иных случаях: «процент ... превышал 30». Цифры: миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются пробелом (4 700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами и аббревиатурами: тыс., млн., млрд. Названия денежных знаков даются по принятым сокращениям: долл., фр., руб., ф. ст., марка.

10. Статьи аспирантов, соискателей и кандидатов наук принимаются редакцией к рассмотрению только вместе с рецензией (оригиналом) научного руководителя или ведущего специалиста, заверенной подписью и печатью организации, в которой работает рецензент. Рукопись направляется на рецензирование специалистам в данной области исследования. К публикации принимаются статьи, прошедшие рецензирование.

Рукопись, получившая отрицательные отзывы, отклоняется. Нуждающаяся в доработке статья направляется автору вместе с замечаниями рецензента.

Редакция оставляет за собой право отклонять без рецензии статьи, не соответствующие профилю журнала или оформленные с нарушением правил.

11. Авторы опубликованных статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

12. Представляя в редакцию рукопись своей статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

14. Порядок и очередность публикации статьи определяется в зависимости от объема публикуемых материалов в каждом конкретном выпуске.

15. Редакция оставляет за собой право не публиковать статью. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Пример оформления списка литературы

1. Бондарко А. В. О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. Российская академия наук / Отв. ред. А. В. Бондарко. Санкт-Петербург: Наука, 1998. С. 51–63.

2. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики. Монография / С. В. Шустова, М. Р. Желтухина, М. В. Дружинина, Е. О. Зубарева, Е. В. Исаева, В. М. Костева, А. С. Черноусова. Научн. ред. А. М. Аматов. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 2019. 180 с.

3. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.05.2018).

Пример оформления статьи:

УДК 81'42

Зубарева Екатерина Олеговна

Соискатель, Пермский государственный национальный
исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

Тел.: +7(342) 2396637, e-mail: nvbfgfb@mail.ru

Шустова Светлана Викторовна

Доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода,
профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания,

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

Тел.: +7(342) 2396283, e-mail: lanaschust@mail.ru

СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА *МИГРАЦИЯ* (НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ)

*Процессы глобализации, возрастающие миграционные потоки, расширение международных контактов актуализируют концепт **МИГРАЦИЯ** для современного российского общества. Миграция рассматривается как один из ключевых концептов миграционного дискурса, который выступает объектом изучения миграционной лингвистики и имеет сложные структуру и содержание. В данной статье анализируются синтагматические связи слова **МИГРАЦИЯ**, которые актуализируют его сочетаемость в рамках коммуникативного значения и отражают его наиболее существенные характеристики. Фиксация сочетаемости позволяет получить ценные лингвистические сведения об языковых сущностях. Исследование осуществляется на основе корпусов, позволяющих анализировать изучаемое явление на большом массиве текста, что обеспечивает максимальную объективность полученных результатов.*

Ключевые слова: миграционный дискурс, миграционная лингвистика, концепт, ценностная сочетаемость слова, корпусный анализ.

Введение

Текст Текст Текст Текст

Основная часть

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Заключение

Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Список литературы

1. ....

Zubareva E. O.

Applicant,

Perm State University

Shustova S. V.

Grand Ph.D. (Philology),

Perm State University

**SYNTAGMATIC ANALYSIS OF THE CONCEPT MIGRATION
(ON THE MATERIAL OF CORPUS)**

The concept of MIGRATION is updated by globalization processes, increasing migration flows, expansion of international contacts for modern Russian society. Migration is seen as one of the key concepts of migration discourse, which is an object of study of migration linguistics, it has a complex structure and content. This article is devoted to synthagmatic relationships of the word MIGRATION, which actualizes its combination within a communicative meaning and reflects its most essential characteristics. Fixed combinability provides valuable linguistic information about language entities. The study is carried out on the basis with the help of corpus, which allows to analyze the studied phenomenon on a large array of text, which ensures maximum objectivity of the obtained results.

Keywords: migration discourse, migration linguistics, concept, value combination of words, corpus analysis.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

---

1. Вы направляете нам статью, оформленную в соответствии с требованиями на электронный адрес редакции (lanaschust@mail.ru).
2. Редакционная коллегия рассматривает Вашу статью (60 дней).
3. При успешном рецензировании редакционная коллегия направляет Вам ответ о приеме статьи.
4. Журнал выходит в соответствии с графиком.
5. Все статьи, размещенные на сайте журнала, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.